

ИРАН И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ
(К вопросу о нынешнем состоянии
и перспективах развития отношений)

Исламская Республика Иран (ИРИ) занимает важнейшее военно-стратегическое положение в Западной Азии. В этот обширный регион входят Ближний и Средний Восток, Кавказ, зона Каспийского моря, Центральная Азия. ИРИ является одновременно и средневосточной, и кавказской, и центральноазиатской, и каспийской страной, омываемой к тому же водами Персидского и Оманского заливов. Все, казалось бы, сугубо внутренние проблемы отдельных частей региона, будь то этнические и религиозные, военные и экономические, беженцев, наркобизнеса, терроризма и сепаратизма, могут эффективно решаться только при содействии ИРИ. Как источник углеводородных природных ископаемых, а также как территория транспортировки нефтегазопродуктов Иран обладает безусловной ценностью. 70-миллионная страна, имеющая одну из самых больших армий в мире (около 800 тыс. человек), является решающим фактором западно-азиатской региональной политики. В силу всего этого Иран привлекает к себе самое пристальное внимание мировых центров сил, прежде всего США, Западной Европы и России.

В этом треугольнике для России несомненный интерес представляют взаимоотношения между Ираном и Европейским союзом, их состояние и перспективы развития.

Ни для кого не секрет, что в последние годы одной из приоритетных задач политики США было создание сферы влияния на южном фланге России с опорой на некоторые кавказские и центральноазиатские страны. Средствами достижения этих стратегических целей стали, с одной стороны, минимизация роли Ирана и России в регионе, их устранение от крупных международных экономических проектов, а с другой, – недопущение сюда прочих государств, прежде всего западноевропейских. Не в последнюю очередь этим целям служили и антииранские экономические законы, принятые Конгрессом США, к примеру, так называемый закон Д'Амато, запрещающий иностранным компаниям заключать контракты по инвестированию средств в топливно-энергетический комплекс на сумму более 20 млн. долл. Де-факто эти законы распространены на американских союзников и

сдерживают выгодные для Западной Европы связи с ИРИ. По большому счету, за враждебной политикой США в отношении Ирана скрывается принцип «собаки на сене», то есть желание не допустить конкурентов на иранский рынок, пока туда не допускаются американцы.

Но, несмотря на давление из Вашингтона, связи Ирана со странами Западной Европы развиваются вполне позитивно.

Новый этап в ирано-западноевропейских отношениях начался в 1997 г. после прихода к власти президента Ирана Мохаммада Хатами. Италия, Германия, Франция, Великобритания ринулись на иранский рынок. По данным российского политолога А.Гушера, в начале нынешнего десятилетия товарооборот ИРИ с ФРГ оценивался в 3 млрд. долл. в год, с Италией – в 2,6 млрд. долл., с Францией – в млрд. долл. Кстати, в списке стран – экономических партнеров Ирана Россия занимает лишь 12-е место. Государства ЕС покупают в Иране сырую нефть, продукцию химической промышленности, природный газ, металлопродукт, кожсырьё, ковры ручной работы, фисташки. Основу иранского импорта составляют продовольствие, промышленное оборудование, средства транспорта, металлы.

Наиболее предпочтителен для западноевропейских компаний топливно-энергетический комплекс. Так, в работах на газовом месторождении Южный Парс вместе с российским «Газпромом» принимают участие французская компания «Тоталь» и малайзийская «Петронас». В свою очередь, норвежская компания «Статойл» объявила недавно, что промышленная добыча природного газа на фазах 6–8 проекта освоения иранского месторождения Южный Парс в Персидском заливе запланирована на начало 2005 г. В конце апреля поступило также сообщение, что «Тоталь» ведет переговоры с иранской стороной о подписании контракта на строительство в Иране предприятия по производству сжиженного газа. Данный контракт оценивается в 2 млрд. долларов.

Британская фирма «Премьер Ойл» с канадской «Боу Вэлли» заняты в проекте на шельфе Балал в Персидском заливе. Активизировались переговоры между французской компанией «Эльф Акитен» и Иранской национальной нефтяной компанией (ИННК) по проекту нефтяного месторождения Доруд на шельфе Персидского залива. Партнером французов выступает итальянская фирма «Аджип». Переговоры с ИННК ведут норвежская компания «Сага петролеум», французская «Газ де Франс», английская «Бритиш газ». Компания является оператором этих трех фаз, которые рассчитаны на освоение запасов общим объемом 650 млрд. кубометров газа. Добыча будет вестись на уровне 36,5 млрд. кубометров в год. Другая английская компания «Бритиш петролеум» открыла в Тегеране представительство.

Французская компания «Алькатель», которая считается вторым по значимости оператором связи в мире, создает в Иране сеть связи и оказывает Интернет-услуги.

Сотрудничество Ирана с западноевропейскими странами в области инвестиционной политики также имеет хорошие перспективы. Так, достигнута договоренность об открытии кредитных линий под иранские экспортные товары с Италией на 2,2 млрд. долл. В ФРГ для ИРИ действует специальная кредитная линия «Гермес». Британский инвестиционный банк предоставил кредит в 500 млн. долл. иранскому Банку содействия развитию экспорта, а также другим коммерческим банкам страны.

Усилия зарубежных компаний, в частности европейских, направленные на получение крупных контрактов, свидетельствуют о том, что в Иране безопасность инвестиций обеспечена на достаточно высоком уровне.

Активность европейского капитала в Иране – это показатель того, что европейцы не считают себя обязанными присоединяться к американскому эмбарго в отношении Ирана и прилагают максимум усилий к вложению своих капиталов в иранскую экономику.

2003 год был отмечен еще более тесным сближением ИРИ и ЕС. Летом Европейский союз вопреки «советам» США провел в Люксембурге заседание 15 государств на уровне министров иностранных дел, на котором было решено начать с Ираном переговоры по укреплению и дальнейшему развитию торговых и политических связей. Тегеран позитивно отреагировал на эту инициативу, заявив о готовности самостоятельно развивать отношения с ЕС, не обращая внимания на реакцию США, которые с упорством, достойным лучшего применения, пытаются окружить Иран «железным занавесом». США постоянно обвиняют Иран в стремлении совершенствовать оружие массового уничтожения, поддержке терроризма и так далее. Эти обвинения категорически отвергаются Тегераном, тем не менее они в значительной мере создают ему препятствия на пути развития связей с другими странами. Улучшение отношений с ЕС, играющим весомую роль в международных делах, помогает Ирану добиться существенного прорыва во всестороннем развитии связей с заграницей.

Можно предположить, что США и далее будут всячески мешать развитию отношений ИРИ с Европейским союзом (а также и с Россией). Но при современной расстановке сил в мире Иран заинтересован в самых тесных отношениях именно с ЕС и РФ. Однако при этом Тегеран не прочь «поиграть» с США, чтобы, несмотря на свой официальный антиамериканизм, получить определенные дивиденды. В условном треугольнике РФ – США – Западная Европа завязалась закулисная интрига.

Американцы в своей борьбе за изоляцию Тегерана в последние месяцы активно используют жупел иранской ядерной программы.

Стоит отметить, что ЕС развивает отношения с Тегераном не без определенных условий. Он связывает торговлю и сотрудничество с политическим диалогом, с прозрачностью иранской ядерной про-

граммы и с борьбой против терроризма. Европейский союз много сделал для того, чтобы убедить Иран согласиться с требованиями МАГАТЭ в ядерной сфере. В 2003 г. три основные страны ЕС – Франция, Великобритания и Германия – провели серию встреч с руководством Ирана. Они были достаточно плодотворны.

Так, в октябре состоялась встреча министров иностранных дел Франции, Германии и Великобритании с секретарем Высшего совета по национальной безопасности (ВСНБ) Ирана Хасаном Роухани.

Тогдашний министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен назвал эти встречи с иранским руководством важным шагом по пути установления доверия и создания прочных основ для дальнейшего развития отношений между ЕС и Ираном и расценил их как весьма полезные для Ирана, ЕС и всего мира и добавил: «Соглашение между Ираном и ЕС – прочный фундамент дальнейшего развития наших отношений. Европа уважает и чтит Иран, страну древней и богатой цивилизации и истории».

На этой встрече министр иностранных дел Великобритании Джек Струоу заявил: «Если бы у нас не было общих чаяний с иранским правительством, то мы не приехали бы в Тегеран. Мы решительно приветствуем новые решения правительства Исламской Республики Иран по открытости всей атомной деятельности этой страны, считаем, что решение атомных вопросов Ирана отвечает национальным интересам этой страны».

В свою очередь, секретарь Высшего совета по национальной безопасности Ирана, отметив важность диалога с министрами иностранных дел трех европейских стран в Тегеране, сказал: «Этот диалог и достигнутое в его ходе взаимопонимание говорят о том, что Иран и Европа могут играть ключевую роль в решении региональных и международных вопросов». Говоря о внешней политике Ирана в области разоружения, иранский руководитель подчеркнул: «Мы считаем, что попытки заполучить ОМУ подрывают мир и безопасность, дестабилизируют ситуацию в регионе и мире. Иран как инициатор идеи превращения региона в зону, свободную от ОМУ, уверен, что попытки получить оружие массового уничтожения, гонка вооружений в регионе приводят к дестабилизации ситуации в регионе».

Подчеркнув мирный характер иранской деятельности в ядерной сфере, секретарь ВСНБ сказал: «Если Иран и скрывал часть своей законной деятельности в атомной области, то это происходило в прошлом по причине незаконных санкций и их расширения против Ирана. У нас нет никаких проблем в деле увеличения открытости и доверия, это зависит только от уважения и обеспечения нашего права на использование мирных технологий». Он также сказал, что успешное выполнение соглашений между Ираном и Европой по атомным вопросам – прекрасный пример для решения остальных вопросов, имеющих место в отношениях между Ираном и Европой.

Здесь следует отметить, что по большому счету Иран сам дает козыри в «ядерной игре» в руки Белого дома. На протяжении года в Тегеране поддерживают атмосферу неопределенности вокруг своих атомных намерений. Иранцы открывают свою ядерную программу как бы нехотя, не спеша, можно сказать, шаг за шагом, внимательно следя за реакцией мирового сообщества. Даже подписав дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия, Иран продолжает нервировать международную общественность новыми ядерными планами. У аналитиков возникает вопрос: в чем причина такой непоследовательной (или целеустремленно последовательной?) политики Тегерана в ядерной сфере (например, решение о строительстве завода по производству урана в Исфагане)? Возможно, чтобы расширить поле для возможного дальнейшего торга, или же иранцы сами не знают, что им дальше делать? Второй вариант ответа, по мнению многих аналитиков, кажется более вероятным.

Такая позиция Тегерана в ядерной сфере вызывает явное недовольство Западной Европы. Министры иностранных дел Германии, Франции и Великобритании подвергли критике решение Ирана о строительстве завода по производству урана.

В целом, без сомнения, ядерная проблематика Ирана во многом будет определять позицию Объединенной Европы и отдельных ее стран в отношении ИРИ. В этом плане важную (если не первостепенную) роль играет МАГАТЭ как главный судья в долгом споре Тегерана с остальным миром по вопросу о степени милитаризации иранской ядерной программы. В марте-апреле специалисты МАГАТЭ инспектировали ядерные объекты ИРИ. В конце апреля в Иран прибыла новая группа инспекторов, которая будет заниматься проверкой достоверности объявленных иранских ядерных программ и получением ответов на поставленные МАГАТЭ перед иранским ядерным руководством вопросы. На предстоящем заседании Совета управляющих МАГАТЭ вновь будет рассматриваться «иранское атомное досье» и приниматься окончательное решение по вопросу ядерных программ и глубине сотрудничества Ирана с МАГАТЭ. Вне всякого сомнения, предстоящее решение МАГАТЭ повлияет на отношения Европейского союза с Ираном.

Но все же для Объединенной Европы гипотетическое иранское ядерное оружие – это, конечно, опасность, но вовсе не та угроза, которую нагнетают американцы. Как полагает большинство европейских государств, реальную угрозу для их интересов в Иране и в регионе может вызвать взрыв военно-политической обстановки на Ближнем и Среднем Востоке в случае любых односторонних действий США против Ирана, прежде всего, конечно, военной акции.

Так же как и по ядерной проблеме, ЕС более сдержано, чем США, относится к американским претензиям к ИРИ по поводу ее поддержки международных террористов. На вопрос, поддерживает ли Иран меж-

дународный терроризм, США отвечают утвердительно. В свою очередь, в Европе ссылаются на отсутствие соответствующих доказательств и подчеркивают важность сотрудничества в борьбе против терроризма, призывая Тегеран более активно действовать в этом направлении. Руководство Ирана упорно и постоянно напоминает об активной роли Тегерана в борьбе с террором (как пример приводится противодействие «Аль-Каиде» и движению «Талибан» в Афганистане). Свою же практически неоспариваемую связь с организацией «Хезболла» в Тегеране объясняют поддержкой освободительного движения «угнетенных мусульман», справедливо выступающих против израильской оккупации и «израильского государственного терроризма». Кстати, эти факты наглядно показывают, что различия в понимании и интерпретации таких терминов, как «международный терроризм» и «национально-освободительное движение», приводят не просто к схоластическим спорам, а к самым серьезным последствиям в практическом осуществлении политики. Поэтому еще и еще раз возникает настоятельная необходимость четкого юридического определения терминов «терроризм» и «международный терроризм». В связи с этим мировое сообщество в лице ООН должно как можно скорее законодательно принять документ, в котором этим опасным политическим явлениям давалось бы однозначное авторитетное юридическое определение, не позволяющее интерпретировать их в угоду узкополитическим интересам различных политических группировок или стран. Это позволило бы с достаточной точностью выявлять все случаи терроризма, более эффективно противодействовать ему и главное – избежать двойных стандартов в проведении всеобщей антитеррористической борьбы.

Возвращаясь к проблеме Иран – Европа, можно с полной уверенностью констатировать, что для Европы Иран не является враждебным государством, и с ним вполне можно сосуществовать при проведении соответствующей политики. Для многих же в США само существование Ирана в его нынешнем состоянии неприемлемо, и единственным выходом видится его трансформация.

Хотя и в Объединенной Европе желали бы большей либерализации шиитского режима в ИРИ. Именно поэтому негативную реакцию в ЕС вызвали итоги февральских парламентских выборов в Иране. Поражение реформаторов, то есть сторонников ослабления роли священнослужителей в политической и социально-экономической сфере, породило чувство разочарования в Европейском союзе, который, действуя в пике Соединенным Штатам, в последнее время приложил много сил, чтобы восстановить нормальные отношения с Ираном. Глава МИД Великобритании Джек Стро, который перед выборами побывал в Тегеране и провел там переговоры в надежде расчистить путь британским компаниям, желающим вложить капиталы в иранскую экономику, после выборов безапелляционно констатировал, что выборы «с самого начала были ущербными».

В опубликованном в Брюсселе заявлении глав МИД стран ЕС сказано, что выборы «нанесли удар по демократии в стране», в результате чего отношения Евросоюза с Тегераном могут оказаться под угрозой.

Однако, по всей вероятности, особых обострений в ирано-западноевропейских отношениях на почве итогов прошедших выборов не произошло и не произойдет. Об этом свидетельствуют и позитивные итоги многочисленных встреч, переговоров и бесед иранских высокопоставленных политиков со своими коллегами из стран ЕС, которые имели место в последнее время.

Состоявшийся в январе 2004 г. официальный визит в Иран верховного представителя ЕС по внешней политике и безопасности Хавьера Соланы дал мощный импульс развитию ирано-европейских отношений. Решение об этом визите было принято в ходе заседания лидеров стран-членов ЕС в Брюсселе в декабре 2003 г. В ходе этого важного для сторон визита Х.Солана обсудил с руководством Ирана возможности укрепления связей между этой страной и Европейским союзом. Х.Солана выразил надежду на то, что между Ираном и Европейским союзом установятся «прочные и крепкие отношения». «Для европейцев Иран является естественным партнером, с которым, надеюсь, у нас будут крепкие отношения», – заявил Х.Солана. Позитивную инерцию этого официального визита не смогли притормозить и парламентские выборы.

Уже после февральских парламентских выборов в Иране министр иностранных дел ИРИ Камаль Харрази посетил Италию, Бельгию, Ирландию, Францию, Великобританию. Как сообщает иранская сторона, встречи проходили в дружественной атмосфере.

Например, президент Франции Жак Ширак назвал Иран важным партнером Франции и высоко оценил атмосферу доверия ирано-французских отношений, способствующих укреплению региональной безопасности.

Премьер-министр Италии Сильвио Берлускони заявил, что Иран призван играть стабилизирующую роль в Ираке и во всем ближневосточном регионе. В отношениях ЕС – ИРИ итальянская позиция характеризуется «готовностью к конструктивному диалогу». Берлускони подтвердил намерение Италии способствовать сближению Ирана с Евросоюзом, в частности, в сфере торговых и экономических обменов. Премьер предложил кандидатуру Рима в качестве места проведения международной конференции доноров по Баму, иранскому городу, разрушенному недавним землетрясением. Берлускони также принял приглашение, переданное ему Харрази, посетить Иран с официальным визитом в текущем году.

Министр иностранных дел Италии Франко Фратини в ходе встречи с главой МИД Ирана заявил, что необходимо ускорить переговорный процесс между Ираном и ЕС по экономическим вопросам. По словам

итальянского министра, Иран и ЕС вышли на качественно новый уровень отношений. Он выразил надежду, что стороны используют весь имеющийся потенциал для достойного развития сотрудничества.

Позитивные оценки результатов поездки министра иностранных дел ИРИ были отмечены и в других европейских столицах.

В ходе визита Харрази в Европу были обсуждены проблемы иранских ядерных программ и ожидания Тегерана в этой области, в частности, перед заседанием Совета управляющих МАГАТЭ в Вене.

Как считают и в Тегеране, и в Брюсселе, достигнут прогресс в расширении торгово-экономического сотрудничества в рамках Иран – Евросоюз.

В последние дни апреля несколько омрачились ирано-германские отношения. Причиной послужило решение берлинских властей установить в районе Берлина – Шарлоттенбург памятную доску с именами четырех иранских курдов, которые были убиты в 1992 г. во время взрыва ресторана «Миконус». На доске написано: «Убитые правящим иранским режимом погибли за свободу и права человека».

Официальный Тегеран очень болезненно отреагировал на решение берлинских властей. Посол Германии в Иране Пауль фон Мальцан был вызван в иранское внешнеполитическое ведомство, где ему был выражен резкий протест. По некоторым данным, в Тегеране закрыт германский культурный центр, функционировавший с 1996 г.

Германия не стала усугублять ситуацию, и, как заявил в иранском МИД германский посол, «правительство Германии сожалеет об этом ошибочном шаге, который предпринят местными властями Берлина. Германия надеется на то, что случившееся не нанесет ущерба важному ирано-германскому сотрудничеству».

И, действительно, вряд ли данный казус сыграет разрушительную роль в ирано-германских отношениях. Выступая 15 апреля на конференции «Взаимоотношения и сотрудничество Ирана и Германии» посол ФРГ в ИРИ сказал: «Иран обладает огромным научно-техническим потенциалом, и сотрудничество по линии науки и образования между Ираном и Германией будет расширяться». Кроме того, посол отметил, что «согласившись на требования МАГАТЭ, выдвинутые во время визита министров иностранных дел трех активных членов ЕС – Великобритании, Германии и Франции – в июне 2003 г., Иран открыл дорогу для улучшения взаимоотношений с Европейским Союзом».

Таким образом, за последний год наблюдается активизация отношений между Ираном и Европейским союзом как единой структурой, а также явный прогресс в двусторонних связях Ирана со странами Западной Европы.

Отношения между ИРИ и ЕС базируются на взаимных экономических, а также, не в последнюю очередь, и политических интересах.

Иран, бюджет которого формируется в основном за счет валютных поступлений от экспорта сырой нефти, крайне нуждается в пере-

довых технологиях западноевропейских стран для форсированного развития несырьевых отраслей национальной экономики, что поможет ему освободиться от опасной нефтяной зависимости. Кроме того, Иран заинтересован в капиталовложениях в нефтеперерабатывающую и нефтехимическую отрасли, которые позволят экспортировать уже не сырье, а продукты его переработки. Немалое значение имеет и политический аспект. Укрепляя свои отношения с Европейским союзом, Иран все активнее выходит из изоляции. Его мировой авторитет растет прямо пропорционально успехам на «западноевропейском фронте».

Европейский союз также заинтересован в Иране и в экономическом, и в политическом плане. Как было отмечено выше, Иран обладает абсолютной геостратегической и экономической ценностью. В урегулировании практически всех сложнейших региональных проблем на Ближнем и Среднем Востоке (а если говорить об Ираке – то и глобальных проблем), участие ИРИ необходимо. Понятно, что ЕС не может упустить шанс решать эти проблемы в сотрудничестве с ИРИ, даже идя на риск конфронтации с США. Ведь успех совместных с Ираном действий, несомненно, повысит мировой рейтинг Евросоюза и усилит влияние европейцев в Западной Азии. Немаловажен и экономический фактор. Иран – огромный потенциальный рынок инвестиций и одновременно источник энергетического сырья. В Брюсселе и других столицах ЕС прекрасно осознают, что времени терять нельзя. Уже сегодня Иран – это поле конкурентной борьбы крупнейших финансово-экономических структур России, Японии, Китая, Южной Кореи, стран Юго-Восточной Азии, Южной Африки, Бразилии и так далее – до Австралии. Завтра ситуация обострится. Чтобы не быть аутсайдером в иранской конкурентной гонке надо уже сейчас готовить плацдармы для последующих бросков. В иранском контексте чрезвычайно актуально звучит поговорка: «Время – деньги».

Именно поэтому Объединенная Европа противопоставляет жестким методам США политику «мирной экспансии и диалога». Европа не поддается давлению Соединенных Штатов. Она за переговоры и торговые контакты с Ираном. В Европейском союзе понимают, что США, овладев энергетическими ресурсами Ближнего Востока (а Иран остается пока единственным неподконтрольным Вашингтону нефтегазовым источником в регионе), возьмут старый континент «за горло» и поставят его экономическое развитие в зависимость от желаний Соединенных Штатов. Поэтому повышение роли Объединенной Европы в нефтяных и газовых делах Ирана позволило бы европейцам создать противовес американскому доминированию практически во всем нефтеносном ареале Ближнего и Среднего Востока.

Конечно, нет никаких оснований говорить, что Европейский союз пойдет на серьезный конфликт с США из-за Ирана. Политика Брюсселя в отношении Тегерана осмотрительна и строится зачастую с учетом мнений Вашингтона. Но при этом вполне объективно можно

говорить о том, что Евросоюз решает в Иране свои задачи, руководствуясь прежде всего собственными интересами.

В итоге правомерно было бы упомянуть недавно сказанные Збигневом Бжезинским справедливые слова: «Соединенные Штаты стремятся изолировать Иран на мировой арене, однако мало чего достигли».

Информационные агентства: ИТАР-ТАСС; РИА Новости; Интерфакс; Regnum; Синьхуа; IRNA; Reuters; France Press (2003–2004 гг.).

Материалы радио «Голос России»; «Би-Би-Си»; «Немецкая волна» (2003 – 2004).

Информационные и аналитические интернет-сайты (2003 – 2004).

**К ИТОГАМ БЕРЛИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО АФГАНИСТАНУ**

31 марта – 1 апреля 2004 г. в жизни Афганистана произошло важное событие, в немалой степени способствующее повышению международного внимания к этой стране, – Берлинская международная конференция, посвященная широкому комплексу вопросов афганской проблематики. Средства массовой информации щедро освещали этот форум, не скупясь на теплые слова в адрес Переходной администрации Афганистана и ведущих доноров афганской реконструкции. В России эту конференцию рассматривают как важное мероприятие, нацеливающее международное сообщество на продвижение совместных усилий по развитию Боннского процесса, содействие становлению Афганистана в качестве мирного, независимого и нейтрального государства, свободного от терроризма и наркотиков, живущего в гармонии со своими соседями и остальным миром.

Вместе с тем некоторые нюансы и акценты, проявившиеся в Берлине, заставляют задуматься. Показательно, что большинство представителей западных государств старательно избегало упоминания слов «талибы» и «Аль-Каида», не говоря уже об угрозе с их стороны мирному процессу в Афганистане. Обязательства стран «восьмерки», будь то строительство афганской национальной армии (АНА) (США), создание полиции (Германия), борьба с наркоугрозой (Великобритания), восстановление органов юстиции (Италия), реализация программы разоружения, демобилизации и реинтеграции экс-комбатантов (РДР) (Япония), подавались исключительно через призму укрепления вертикали центральной власти и роста ее авторитета на местах. Согласно риторике участников конференции, основную угрозу этим процессам представляют «местные авторитеты» и подконтрольные им вооруженные формирования, причем главный камень, как откровенно давалось понять, бросался в адрес бывшего «Северного Альянса».

Примечателен упор, сделанный на программе РДР, под которой имеется в виду первоочередное разоружение военных структур «северян», при том что о разоружении многочисленных экстремистских бандформирований на юге речь пока не идет. В частности, в Берлине было объявлено, что завершить расформирование отрядов моджахедов планируется к июню 2005 г. (как откровенно давали понять в ку-

луарах афганские коллеги, в пропорции 7 бойцов на севере к 1 на юге). При этом имелось в виду, что военный вакуум будет заполнен т.н. провинциальными восстановительными командами (ПВК), общее число которых к концу этого года планируется довести с 15 до 22.

Такая постановка вопроса не может не тревожить на фоне роста претензий талибов и прочих экстремистов на власть под предлогом обеспечения этнического баланса в руководстве страны. Ведь не секрет, что пока создаваемая под международным патронажем Афганская национальная армия еще слишком слаба, чтобы самостоятельно противостоять внутренней и внешней угрозам. А талибы уже сейчас практически открыто хозяйничают на юге и юго-востоке страны, устанавливая в деревнях свои администрации и блокпосты на дорогах. К сожалению, слишком мало освещается тот факт, что экстремистские силы, по существу, окружают ряд таких важных южных и восточных городов, как Кандагар, Заболь, Асадабад и Хост, зато избыточно тиражируются сообщения о столкновениях на севере страны – в Герате и Меймене.

Все эти моменты нужно учитывать в анализе военно-политической обстановки в Афганистане и понимать, насколько хрупко относительное равновесие в этом государстве. Многие политические деятели в нашей стране любят сокрушаться по поводу того, что НАТО не только приблизилось к нашим западным границам, но и «угрожает южному подбрюшью СНГ». Однако все должны понимать, что на современном этапе наша задача – не противостоять американцам в Афганистане, а побуждать их к совместной работе во имя общей цели – устранения тех причин, по которым была начата анти-террористическая операция в этой стране, предупреждать их о возможных ошибках, основываясь на собственном прошлом афганском опыте. Главное для нас – не допустить развития ситуации в Афганистане за рамки нынешней относительной стабильности, с возвращением к хаосу и анархии начала 90-х годов, что, несомненно, нанесло бы куда больший удар интересам национальной безопасности России, чем присутствие американцев в регионе.

Россия в последнее время всерьез озабочена нарастанием подрывной активности перегруппировавшихся талибов и международных террористов, добивающихся реванша. Прежде всего тревожит обстановка в афгано-пакистанском приграничье, где интенсивность действий антиправительственных сил особенно высока. Деструктивные элементы широко используют для расширения своей политической опоры среди населения нынешнюю волну антиамериканских настроений и объективные трудности Переходной администрации. В этих условиях особую значимость приобретает обеспечение действенных гарантий невмешательства во внутренние дела суверенного Афганистана, неукоснительное соблюдение Декларации о добрососедстве 2002 г., о чем говорили многие участники Берлинского форума.

Известно, что Россия выступает за соблюдение этнического баланса во всех эшелонах власти, считая его достижение главным итогом Боннского соглашения, реальным фундаментом будущего демократического общества в Афганистане. Эта идея, безусловно, отвечает интересам национального примирения в Афганистане, способствует скорейшему установлению мира и согласия. Но эта постановка вопроса, конечно, не должна означать немедленной раздачи постов руководителям ДТ под предлогом обеспечения большего пуштунского представительства в государственном аппарате. И уж тем более, вчерашние попутчики террористического движения не должны вытеснять за рамки власти тех, кто действительно доказал свою способность отстаивать интересы афганского народа.

Берлин еще раз наглядно продемонстрировал, что в настоящее время у пользующегося серьезной поддержкой международного сообщества Х.Карзая нет реального соперника в борьбе за президентское кресло. Главный вопрос, который остается на повестке дня – возможность провести президентские выборы в сентябре 2004 г. и совместить их с парламентскими, как это было объявлено афганской стороной на конференции. Ведь не секрет, что интересам поддержания общей стабильности в Афганистане отвечает одновременное с избранием президента создание нового демократического института в стране – законодательного собрания. Это решение афганского руководства, озвученное в Берлине, заслуживает одобрения и поддержки. Необходимо лишить всяких шансов на интервенцию во власть тех, кто активно саботирует Боннский процесс и под разными искусственными предлогами пытается противодействовать позитивным переменам в афганском обществе. Именно одновременные выборы способны эффективно обеспечить необходимое доверие новой власти и необратимость нынешних преобразований в стране.

На Берлинской конференции в целом получил поддержку призыв к созданию антинаркотических «поясов безопасности» по периметру границ Афганистана, и его соседи подписали декларацию о борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Вместе с тем до сих пор нет полной ясности относительно параметров реализации этой концепции. Вероятно, другим соседям было бы полезно использовать российский опыт охраны таджикско-афганской границы.

Особняком стоит тема экономического содействия Афганистану. Как известно, главный итог Берлинской конференции – объявление суммарного взноса международного сообщества на реконструкцию афганской экономики в размере 8,5 млрд. долл. на ближайшие три года. А что Россия? В свое время было сказано достаточно слов о необходимости более широкого российского участия в восстановлении хозяйственных и инфраструктурных объектов на территории Афганистана. Однако не секрет, что до сих пор такое участие было практически невозможно из-за нерешенности доставшегося нам по

наследству от Советского Союза вопроса о государственном долге Афганистана. Сейчас долговая проблема остро стоит на повестке дня, так как всерьез мешает нам наладить реальное донорское содействие, которое Москва может и должна оказывать Афганистану как полноправный член финансовой «восьмерки». Одним из важных итогов Берлина стали состоявшиеся контакты по линии министерств финансов двух стран. По их итогам сделан важный шаг вперед – диалог перешел из политической области в финансовую. Афганистан больше не требует полного списания долга, с пониманием относясь к тому, что Россия не может пойти на более мягкие, чем это принято в Парижском клубе, условия реструктуризации задолженности, так как это может негативно сказаться на аналогичных переговорах с другими дебиторами.

Скорейшее решение долговой проблемы послужит укреплению нашего авторитета в этой стране, пошатнувшегося ввиду определенного бездействия наших экономических структур в Афганистане на фоне впечатляющей активности развитых стран.

После выверки межгосударственных расчетов и проведения процедуры списания большей части афганского госдолга оставшиеся после применения всех скидок и реструктуризации задолженности средства можно было бы обратить в российские инвестиции на восстановление экономики этой страны, финансирование российских компаний, занимающихся реконструкцией жизненно важных промышленных и сельскохозяйственных объектов в Афганистане. А таких компаний немало – это и крупные государственные структуры, такие как «Роснефть» и «Машиноимпорт», и частные, как, например, «Итера-Холдинг». Российские фирмы способны эффективно работать на объектах нефтегазовой сферы, энергетики, в строительстве жилья, восстановлении промышленности, сельского хозяйства, ирригации. Особый интерес представляют нефтяные и газовые промыслы на севере страны, которые могут дать реальную и быструю отдачу для национального бюджета Афганистана. Причем это – пока единственный сектор афганской экономики, куда реально привлечь российские частные средства. Весьма многообещающим видится сотрудничество России в разработке медного рудника «Айнак» к юго-западу от Кабула и других месторождений полезных ископаемых, информацией о которых в изобилии обладают российские геологические организации. Немалая роль в развитии взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества и налаживании двусторонних хозяйственных связей может принадлежать афганской диаспоре. В России, по различным данным, проживает порядка 150 тыс. афганцев, которые преимущественно занимаются мелким бизнесом. Деловая активность этих людей в торговле между нашими странами способна стать одним из важнейших двигателей развития Афганистана.

Не последнее место в двусторонних связях имеет военнотехническая помощь Афганистану, которая оказывается по линии Министерства обороны России, несмотря ни на какие долговые и организационные трудности. На нужды новых вооруженных сил Афганистана безвозмездно поставляются средства связи, автомобили, мастерские по ремонту боевой техники, вещевое имущество, учебные пособия, различные запчасти. В настоящее время афганской стороне отремонтировано и передано несколько вертолетов и самолетов, которые составляют всю армейскую авиацию этой страны. Общая сумма наших поставок в настоящее время составляет порядка 78 млн. долл., а это – серьезный вклад в обеспечение обороноспособности афганского государства.

Важен еще один существенный момент. Пока Афганистан входит в безусловные приоритеты мировой политики, пользуется особым вниманием руководства ведущих государств и международной общестственности, есть надежда на то, что там не повторятся хаос и анархия начала 90-х годов, приведшие к власти обскурантистский режим талибов. Здесь уместно вспомнить о годах сопротивления здоровых сил афганского народа этому террористическому движению. Тогда Россия была в числе немногих, кто на весь мир говорил о реальной опасности международного террористического интернационала, оккупировавшего эту страну.

Настали новые времена, Афганистан делает первые шаги на пути преодоления наслоений трагического прошлого к национальному примирению, восстановлению государственности. России тоже далеко не безразлично, как сложатся судьбы этой страны в ближайшие годы. Поэтому они намерены делать все от нее зависящее, чтобы не допустить прежних ошибок, повторного скатывания Афганистана к кровавой междоусобной войне.

АФГАНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ И США

Вопрос о судьбах афганской эмиграции в мире и на Западе, в частности, после создания переходного правительства во главе с Х.Карзаем, куда вошел и определенный круг эмигрантов, сегодня может представлять интерес главным образом с точки зрения того, какие силы из числа интеллектуально-политической элиты могут еще претендовать на вхождение в будущие органы власти.

Интерес к «западной» афганской эмиграции в первую очередь обусловлен тем, что основная масса политической, культурной и торговой элиты в силу разных причин, оказалась сконцентрированной в государствах Европы и США.

Что же представляет собой нынешняя афганская диаспора на Западе? Это – конгломерат самых различных политических, этнорелигиозных и социальных сил, образовавшийся в результате нескольких миграционных потоков: первый – начался после антимонархического переворота 1973 г., возглавленного М.Даудом; второй – наиболее мощный, возник после апрельского 1978 г. государственного переворота, возглавленного НДПА; третий – связан с падением в апреле 1992 г. режима М.Наджибуллы и приходом к власти лидеров моджахедов; и, наконец, последний поток миграции был вызван в 1994 г. эскалацией витка боевых действий между движением «Талибан» и «Северным альянсом» и продолжался до конца 2001 г.

Надо отметить, что каждый поток миграции имел на себе отпечаток той политической и социальной среды, в которой жили и работали будущие эмигранты.

Так, после свержения короля Мухаммада Захир-шаха страну покинули его ближайшие родственники и окружение, государственные чиновники высокого и среднего ранга, богатые предприниматели (типа М.Нашера, президента хлопковой компании «Спинзар»), представители интеллигенции, поддерживавшие королевскую династию.

Эта категория эмигрантов в силу своих традиционных связей с Западом (обучение в вузах, торговое партнерство, браки на иностранных землях) в основном направилась в страны Европы и США.

Второй поток миграции был вызван приходом к власти «коммунистического правительства» – Народно-демократической партии Афганистана, началом репрессий и гражданской войны, особенно усилившихся после ввода советских войск в Афганистан. На этот раз

страну покинули не только представители крупной буржуазии, интеллигенции, духовенства, племенные вожди и госчиновники, но и большая масса городского и сельского населения.

Третья волна миграции пришлась по времени на апрель 1992 г., когда после 14 лет войны пал режим последнего «коммунистического» президента Наджибуллы. На этот раз основную массу мигрантов составляли руководящие партийные функционеры НДПА – «Ватан», рядовые члены партии и их родственники, короче, все те, кто опасался расправы муджахедов.

Наконец, последний поток миграции наблюдался в 1994–1996 гг. в связи с обострением борьбы между движением «Талибан» и «Северным альянсом». Процесс исламизации, который вели талибы на захваченных ими территориях, сопровождавшийся при этом жестокими репрессиями, особенно в отношении непуштунского населения, также вынудил значительную часть городских и сельских жителей северных, северо-восточных и западных районов покинуть родину.

Анализируя сегодняшнюю ситуацию в западной диаспоре, следует отметить одну ее особенность. Афганская диаспора на Западе была наиболее активной в политическом и культурном плане. Именно на Западе обосновался весь цвет афганского общества, некогда составлявший истеблишмент власти прежних режимов.

Не будет преувеличением отметить и то, что из нынешних политических эмигрантов на Западе можно было бы составить не один кабинет министров. Для иллюстрации сказанного назовем некоторые известные имена.

Например, в США проживают бывшие королевские министры Али Ахмад Попал, Сайид Шамсуддин Маджрух, Мухаммад Насер Кешаварз, Сабахуддин, Кушкаки, бывший премьер-министр при президенте Наджибулле Мухаммад Хасан Шарк (1988 г.). В Германии обосновались Абдуссатар Сират – министр без портфеля в правительстве М.Дауда, Салеха Фарук Эттемади – министр социального обеспечения при президенте Наджибулле, Сулейман Лаик – член Политбюро НДПА и в разные годы министр по телерадиовещанию (1978 г.) и по делам национальностей (1980).

В Швейцарию уехали бывший премьер-министр при Наджибулле Фазльульхак Халекийар (1990 г.) и последний министр иностранных дел ДРА Абдул Вакиль. В Нидерландах, по информации эмигрантской газеты «Аль-Бадр» собралась почти вся верхушка НДПА – партии «Ватан», в том числе такие партийные функционеры, как Нур Ахмад Нур, Барек Шафии, Карим Мисак, Асадулла Кештманд, генерал Хисамуддин Хисам¹.

Прошедшие годы (1973–2002) показали, что бывшие высокопоставленные чиновники не желали мириться с участью эмигрантов и постоянно вынашивали планы возвращения во власть.

Находясь в эмиграции, они время от времени объявляли о создании так называемых «правительств в изгнании». Для примера

приведем состав одного из таких правительств, опубликованный эмигрантской газетой «Муджахед вулус»: Абдуссамад Хамед, Али Ахмад Попал, Сайид Шамсуддин Маджрух, А.Г.Раван Фархади, Азизулла Васефи, Абдулла Малекйар, Мухаммад Хасан Вулусмаль².

На западе действовали многочисленные афганские политические партии, движения и группировки, каждая из которых старалась выпускать собственные печатные издания, через которые они вели пропаганду своих идейно-политических установок, стремясь привлечь как можно большее число сторонников. Среди таких организаций можно назвать «Движение за национальное единство Афганистана» (США), «Афганскую социал-демократическую партию» (США), «Движение афганских националистов», «Афганское национальное сопротивление» (Норвегия), «Центр афганцев» (США), «Общество просветителей Афганистана» (ФРГ), «Общество примирения и национально-го единства» и много других.

Наиболее известными на Западе и влиятельными в диаспоре были три политических центра эмиграции: в Риме, Вашингтоне и Бонне. Именно там концентрировались наиболее активные в политическом плане эмигранты, некоторые из них впоследствии вошли в состав переходного правительства Х.Карзая.

До боннской конференции (декабрь 2001 г.) особенно активным был римский центр, где под эгидой бывшего монарха собиравались представители эмигрантской элиты, рассчитывающие на участие в будущих постталибских органах власти. Для иллюстрации назовем имена некоторых из них: Хамид Карзай, Хедаят Амин Ареала, Исхак Надери, генерал Рахим Вардак, Исхак Шахрияр, Анвархакк Ахади, Расул Амин, Шахбаз Ахмадзай, Сайид Махдум Рахин, Касем Фазели, Рахим Ширзай, Шариф Насер-заде, Рахматулла Мусса Гази, Абдулхалек Фарахи, Залмай Расул, Аманулла Пачахан Дзадран, Абдул Карим Махдум, Мухаммад Амин Фарханг, Юсуф Нуристанни, Башир Ахмад Зикрийа и др.

В числе активных участников политической жизни были и женщины: Азиза Васефи, Рона Юсуф Мансури, Фатема Гилани, Салеха Фарук Эттемади, Шафика Зияй, Халина Малекйар и др.

В целом политическая колода была ограниченной, в чем нетрудно убедиться, обратившись к составу нынешней временной администрации, по существу, представляющей компромисс между теми, кто выступал сторонниками Мухаммада Захир-шаха, и лидерами военно-политических группировок, составлявших «Северный альянс».

Разумеется, в пределах группы, которую мы условно называем «промонархической», были и более мелкие группировки, которые имели своих лидеров и стремились протолкнуть в состав будущих властных органов как можно больше «своих» людей. Так, среди сторонников бывшего монарха наиболее активными были Абдуссамад Сират, претендовавший на роль главы правительства; Сайид Ахмад Гилани – конфидент бывшего монарха; сам Хамид Карзай.

Точно также лидеры «Северного альянса», формально отошедшие от власти, но по-прежнему сохраняющие большое влияние на внутривнутриполитическую ситуацию, такие как бывший президент Б.Раббани, С.Моджаддиди, А.Р.Сайаф, А.Р.Дустум, стремились поставить своих сторонников, в том числе и из числа эмигрантов, на ключевые посты в переходном правительстве. Единственным из числа лидеров муджахедов, кто на Боннской конференции оказался выключенным из борьбы за власть, был Г.Хекматъяр и его окружение.

Итак, кто же из эмигрантской элиты вошел в состав переходного правительства? Назовем некоторые имена. Например, из числа сторонников экс-короля министерские посты получили профессор Ашраф Гани Ахмадзай (министр финансов), сын одного из вождей пуштунского племени ахмадзаев, высшее образование получил в США, где жил более 20 лет, женат на американке; инженер Джума Мухаммад Мухаммади (министр горных дел и промышленности), в 1976 г. был министром водных ресурсов и энергетики в правительстве М.Дауда, учился в США, где проживал до назначения его министром в кабинет Х.Карзая; Залмай Расул – советник по национальной безопасности; Анвархакк Ахади – председатель центрального «Ды Афганистан банка», зять С.А.Гилани и лидер одной из фракций партии «Афган миллат».

Из числа эмигрантов – сторонников «Северного альянса» в состав кабинета, в частности, вошли: Сайид Махдум Рахин – министр информации и культуры; Мухаммад Амин Фарханг – министр по делам восстановления страны.

Большинство же постов заняли или бывшие лидеры джихада или их ставленники. Чтобы убедиться в этом, укажем на некоторых из них: министр обороны М.Касим Фахим, министр иностранных дел Абдулла Абдулла («Исламское общество Афганистана» – лидер Б.Раббани); заместитель Х.Карзая Мухаммад Карим Халили и Хаджи Мухакк – министр планирования (оба из партии «Исламское единство Афганистана» – один из лидеров М.К.Халили); министр земледелия Сайид Хусейн Анвари («Движение исламской революции Афганистана» – лидер Мухаммад Наби Мухаммади); министр транспорта – Сайид Мухаммад Али Джавид («Исламское движение Афганистана» – лидер Мухаммад Асеф Мохсени); министр легкой промышленности Мухаммад Алям Разм («Национальное исламское движение Афганистана» – лидер А.Р. Дустум).

Возвращаясь к поставленному выше вопросу о перспективах интеллектуально-политической элиты, до сих пор остающейся в эмиграции, на участие в будущих властных структурах, следует учитывать следующие обстоятельства.

1. Большинство из эмигрантов первой и второй волн – люди преклонного возраста и вряд ли могут активно участвовать в политической жизни страны. Например, возраст известных в свое время поли-

тических деятелей, занимавших при короле или президенте М. Дауде министерские посты – таких как Абдул Каюм (1919 г. р.), Абдул Маджид (1914 г. р.), А.Г.Раван Фархади (1929 г. р.), Гулам Али Айин (1923 г. р.), Сайид Шамсуддин Маджрух (1904 г. р.), Мухаммад Хасан Шарк (1925 г. р.), Али Ахмад Попал (1917 г. р.), – давно перевалил за рубеж 70. Заметим, что и многие эмигранты, вошедшие в состав нынешнего правительства, – также немолодые люди. Так, заместителю Х.Карзая Ниматулле Шахрани – 64 г., другому заместителю Хедаяту Амину Ареала – 64; министру горных дел и промышленности Джума Мухаммаду Мухаммади – 66, М.Амину Фархангу – министру по делам восстановления страны – 65; а министру информации и культуры – Сайиду Махдуму Рахину – 57.

2. Большинство эмигрантов, особенно те, кто проживает на Западе по 20–30 лет, – люди весьма состоятельные. Многие, успевшие вывезти свои капиталы, открыли магазины, рестораны, казино и т.п. Так, в числе наиболее состоятельных эмигрантов журнал «Айнейи Афганистан» называл имена Хасана Нури, Азизуллы Васефи, Нура Делавари, Хамида Карзая³. Тот же журнал сообщал, также о том, что, например, уже упоминавшийся выше Хасан Шарк содержит магазин в США и недавно породнился с одним из богатейших афганских купцов Кари Аманом – владельцем известного супермаркета в Кабуле; а сын Абдушукура Решада, бывшего при талибах зам. президента академии «Пушту Толына», доктор Хамид Решад даже открыл собственную клинику в Японии. И подобных примеров немало. Такие люди, вряд ли вернутся в беспокойный Афганистан, не будучи уверенными в собственной безопасности и сохранности своих капиталов.

3. За бортом политической жизни по-прежнему остаются «коммунисты» – бывшие руководители и члены «Народно-демократической партии, кстати, наиболее молодые по возрасту среди других эмигрантов. Несмотря на то, что в новой конституции Афганистана декларируется право граждан на создание политических партий, «коммунисты» явно не подпадают под действие этой статьи, поскольку одним из условий создания партий является соответствие их программы «Священной религии ислама».

4. Оказались исключенными из участия во властных структурах и сторонники Г.Хекматьяра, которые еще до боннской конференции 2001 г. провели на о. Кипр встречу и создали так называемую «Кипрскую группу», куда входили, например, Хомаюн Джарир (зять Г.Хекматьяра), Сайид Исхак Гилани, Азизулла Шамс, Ихсанулла Майар, Азизулла Лодин и др., однако так и не были допущены в Бонн к дележу министерских портфельей.

5. По-прежнему в оппозиции правительству Х.Карзая остается значительная часть эмигрантов – этнических пуштунов. Особой активностью среди них отличаются идеологи пуштунских националистов, такие как Мухаммад Осман Рустар Тараки, Сайид Халилулла

Хашемиан, Хасан Какар, Сайид Абдулла Казем, Рахматраби Зиракйар, Абдуррасул Амин, Мухаммад Хасан Вулусмаль, которые через собственные или сочувствующие им печатные издания («Айиней Афганистан», «Муджахед вулус», «Даават» и др.) утверждали, что после разгрома талибов власть перешла в руки «Северного альянса», якобы узурпировавшего законные права пуштунского большинства.

Так, в одном из интервью, данных газете «Даават» в конце 2002 г., М.Осман Рустар Тараки от имени своих единомышленников заявил, что они не признают легитимность ни боннских соглашений, ни Лоя Джирги, поскольку рассматривают их как обман и вмешательство во внутренние дела Афганистана, и следовательно, не считают легитимным и правительство Х.Карзая, созданное на «фальшивой» Лоя Джирге⁴.

Завершая тему потенциальных политических возможностей афганской эмиграции на Западе, следует сказать следующее. После бурной и долгой дискуссии на Лоя Джирге в Кабуле была принята новая 2003 г. Конституция Афганистана, в основном сохранившая демократические принципы королевской Конституции 1964 г. и несколько расширившая права национальных меньшинств. В целом оценивая значение нового Основного закона, следует отметить его главное достижение – Конституция зафиксировала победу «унитаристов» над «федералистами» и сохранила сильную президентскую власть и унитарный характер афганского государства.

Вместе с тем сказанное отнюдь не дает повода считать, что с принятием Конституции битва на афганском политическом поле завершена. Основной закон страны пока что зафиксирован лишь на бумаге, чтобы его положения воплощались в реальность центральной власти, нужны сильные рычаги воздействия на лидеров военно-политических группировок времен «джихада» и на полевых командиров, которые по-прежнему обладают военной силой и реальной властью на местах и сохраняют свои позиции на политической арене. Поэтому основная борьба между различными политическими силами развернется на президентских выборах. Именно эти выборы должны окончательно определить и закрепить расстановку сил на ближайшее будущее. Главный вопрос: останутся ли во власти оппозиционно настроенные Х.Карзаю сторонники лидеров джихада, особенно из числа входящих в «Северный альянс», или в случае победы Х.Карзая на президентских выборах ряды его сторонников в органах власти пополнятся за счет лояльных ему представителей эмигрантской интеллигентно-политической элиты, ожидающей своего «звездного часа», находясь на Западе.

¹ Аль-Бадр, 31.10.1997.

² Муджахед вулус, 1996, № 225 (май), № 228 (август).

³ Айиней Афганистан, № 84, март 2001, с. 5.

⁴ Даават, № 144–145, декабрь 2002.

ПАКИСТАН И ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ

Отношения между Пакистаном и Западом имеют длительную и сложную историю. После образования в 1947 г. независимого Пакистана они были вписаны в контекст блокового противостояния в рамках «холодной войны». Кроме налаживания долгосрочных политических отношений с Западом Пакистан предусматривал активизацию торгово-экономических связей с западными державами и в особенности с США. По мнению ученых Пакистана, как во время холодной войны, так и после нее отношения Пакистана с Западом, и в первую очередь с США, «то поднимались, то опускались до неоправданно низкого уровня, были то излишне жаркими, то излишне холодными», в лучшем случае оставаясь «тактическими, а не стратегическими»¹.

Западный блок во главе с Соединенными Штатами первоначально стремился сделать своим союзником в Южной Азии Индию, однако она не приняла формы блоковых отношений и встала на позиции неприсоединения. Пакистан же развивал свои отношения с Западом по совершенно противоположному пути.

Активный поиск внешних союзников, особенно таких могущественных, как США, был в прямом смысле жизненно важен для молодого государства, сам факт образования и существования которого вызывал сомнения его соседей. Довольно размытые и неустоявшиеся в то время государственные границы как с Индией, так и с Афганистаном обостряли отношения Пакистана с соседями. Поэтому стремление «иметь друзей, могущественных друзей, заинтересованных в безопасности Пакистана», на многие годы сделалось ведущим принципом внешней политики этого государства².

Первоначально Пакистан ориентировался на Великобританию и Содружество, что объяснимо историческим английским влиянием в экономике, государственном аппарате, прочными связями пакистанской элиты с британскими правящими кругами, членством Пакистана в Содружестве наций. К тому же в конце 40-х годов мощнейшая держава США была отвлечена событиями на Дальнем Востоке и в Китае и не уделяла первоначально должного внимания Южной Азии.

Однако Англия, серьезно ослабленная после второй мировой войны, была не в состоянии предоставить Пакистану значительную экономическую и военную помощь, в которой молодое государство крайне нуждалось. Кроме того, она не собиралась терять свои пози-

ции в Индии и не намерена была занимать одностороннюю пропакистанскую позицию в Южной Азии. Это породило рост антианглийских настроений среди правящей элиты Пакистана³.

С начала 50-х годов Карачи всё больше во внешней политике ориентируется на США. В 1950 г. состоялся государственный визит премьер-министра Пакистана Лиакат Али Хана в США, который окончательно продемонстрировал намерения Пакистана к сближению с Америкой и обозначил приоритетное направление его внешней политики. США также с готовностью сделали ставку на Пакистан, однако, обе стороны преследовали при этом разные цели: США стремились подключить Пакистан к своей мировой антикоммунистической деятельности, а последний надеялся прежде всего на американскую помощь в противостоянии с Индией.

Особенностью пакистано-американских отношений является то, что они всегда определялись и находились в зависимости от международной обстановки и от ситуации в регионе, поэтому было бы ошибкой говорить о каком-то последовательном стратегическом партнерстве этих стран. Скорее эти отношения носили тактический характер и претерпевали изменения в зависимости от необходимости и внешнеполитической конъюнктуры.

Волнообразный характер отношений проявился в том, что интенсивное развитие связей в 50-е годы, когда был заключен ряд военных соглашений, в частности «О взаимной помощи в целях обороны» (1954 г.), и Пакистан вступил в созданные западными странами блоки СЕНТО и СЕАТО, привело к тому, что военная и экономическая помощь США Пакистану существенно возросла. Активно развивалось сотрудничество и в технической сфере.

Однако уже в 60-е и 70-е годы противоречия и разногласия, проявившиеся, в частности, в ходе вооруженных индо-пакистанских конфликтов 1965 г. и 1971 г., а также по вопросу пакистанской ядерной программы, привели к тому, что США приостановили оказание экономической помощи Пакистану и настояли на отсрочке выделения Пакистану средств со стороны государств Запада и международно-валютных учреждений, а вскоре ввели эмбарго и на поставки оружия.

Помимо сказанного выше, Вашингтон раздражали внешнеполитические акции Пакистана, направленные на укрепление своей самостоятельности. Исламабад же, в свою очередь, не устраивало внимание, которое США уделяли Индии.

Разумеется, Пакистан по-прежнему занимал важное место в системе приоритетов американской внешней политики в регионе как член СЕНТО, союзник Китая и как противовес Индии. Однако в целом 70-е годы характеризуются посредственным уровнем развития пакистано-американских отношений. Хотя США оставались основным экономическим партнером Пакистана, продолжалось уменьшение доли американской помощи в общем объеме иностранных по-

ступлений⁴. В целом на протяжении почти всего десятилетия США снижали объем и уровень сотрудничества с Исламабадом.

В это время правительство З.А.Бхутто проводило курс на диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей со странами Запада. Получили дальнейшее развитие отношения Пакистана со странами Западной Европы, Канадой, Австралией и др. Характерным было активное расширение связей между Пакистаном и Францией практически во всех сферах, особенно в политической, военной и экономической. Активный обмен визитами как на государственном уровне, так и на уровне предпринимательских контактов принес немало выгод Исламабаду. Особенно важное значение для Пакистана имело сотрудничество с Францией в области осуществления ядерной программы. Ядерные проекты Пакистана и Франции вызвали крайнее недовольство США. Так, пакистано-французское соглашение 1976 г. о строительстве в Пакистане предприятия по обогащению урана было заключено в обход США и под их давлением было расторгнуто в 1978 г.

Несмотря на выход в 1972 г. из Содружества наций, Пакистан продолжал развивать разносторонние отношения и с Великобританией. Оставаясь одним из ведущих торгово-экономических партнеров Пакистана, Англия в 70-е годы несколько снизила свое влияние в Пакистане.

Пакистан расширял также военные связи с западными странами. В эти годы он закупал оружие в Англии, ФРГ, Италии, Франции. Это несколько ослабляло его зависимость от США. Так же действовало расширение разностороннего сотрудничества Пакистана с развивающимися и социалистическими странами. З.А.Бхутто совершил два визита в СССР (1972 г. и 1974 г.)

Однако с 1979 г. после ввода советских войск в Афганистан Пакистан вновь становится важнейшим партнером США. В 1980 г. Вашингтон, отбросив свою неуступчивость по защите режима ядерного нераспространения, снял введенное в 1979 г. эмбарго на поставки вооружения и поддержал просьбу Пакистана о льготах на погашение внешней задолженности и новых займах и субсидиях. Несмотря на то, что ядерные разработки велись в Пакистане и в 80-е годы, и уже тогда имелись веские подозрения о двойном характере пакистанской ядерной программы, в то время Вашингтон закрывал на это глаза. Тогда позиция Пакистана по Афганистану была важнее, чем проблема ядерного нераспространения. Исламабад же, в свою очередь, не упускал своего шанса и наращивал, пользуясь моментом, темпы ядерной программы. И хотя американцы не раз высказывались, что им все сложнее «прикрывать» ядерные разработки в Пакистане, тем не менее политическая обстановка в регионе в связи с афганскими событиями вынуждала Вашингтон не раз заявлять, что «опасения относительно ядерной программы Пакистана явно преувеличены»⁵.

В сентябре 1981 г. США и Пакистан подписали соглашение об американской военно-экономической помощи на сумму в 3,2 млрд. долл., договорившись о заключении в будущем еще одного аналогичного договора⁶. На всех этапах афганского конфликта Исламабад координировал свою политику с Вашингтоном. Вслед за США Пакистану шли большие средства из других западных стран и международных финансово-экономических организаций.

В связи с событиями в Афганистане активизировалось англопакистанское сотрудничество в политической и военной сферах. В 1989 г. Пакистан был восстановлен в Содружестве наций.

После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. приоритетными направлениями политики США в Южной Азии стали сдерживание Дели и Исламабада в их «ядерной гонке» и недопущение разгорания пакистано-индийского конфликта, предупреждение и прекращение вооруженных столкновений (1990 г. и 1999 г.). С конца 80-х годов отношение США к Пакистану вновь ужесточилось. В 1990 г. на основании так называемой «поправки Пресслера» Вашингтон резко ограничил с Пакистаном связи, особенно военные.

В начале 90-х годов из-за предполагаемого Вашингтоном военного характера ядерной программы Пакистана ему была приостановлена американская помощь, а в 1993 г. США ввели торгово-экономические санкции. Лишь позже их военные и торговые отношения несколько активизировались, но после пакистанских ядерных испытаний 1998 г. и военного переворота 1999 г. санкции были вновь ужесточены.

Одной из основных задач внешней политики новой администрации генерала П.Мушаррафа было провозглашено стремление, с одной стороны, закрепить за Пакистаном статус ядерного государства, а с другой, – выйти из международной изоляции, в которой страна оказалась в результате появления у нее ядерного оружия и происшедшего военного переворота. Как и прежде, развитие политических, экономических и военных связей с западными странами, и в первую очередь с США, для достижения вышеуказанных целей было крайне важно для Исламабада. К традиционным, занимающим центральное место в диалоге между Пакистаном и США вопросам пакистано-индийского противостояния и ядерного нераспространения добавились еще афганский вопрос и связанная с ним проблема международного терроризма.

Развитие Индией и Пакистаном ядерных программ поставило перед Вашингтоном ряд проблем, в частности: возможно ли использование ядерного оружия в пакистано-индийском конфликте; какова будет роль ядерного оружия в южноазиатском регионе; будут ли переданы ядерные технологии третьим странам, особенно странам Ближнего Востока. США не раз обсуждали эти вопросы с Пакистаном и Индией. Вашингтон также играл важную роль в урегулировании пакистано-индийских конфликтов в Кашмире в 1990 и 1999 гг.

Появление в Афганистане «Движения Талибан» в середине 90-х годов вызвало довольно положительное отношение официального Вашингтона к этому движению и стоящему за его спиной Пакистану. Американские власти возлагали на талибов большие надежды, полагая, что те наведут в Афганистане порядок и прекратят гражданскую войну. По словам представителя Госдепартамента, США не видели «ничего, что могло бы мешать талибам захватывать все новые и новые территории и вводить там законы ислама»⁷. Американцев, естественно, в подобной ситуации не смущала поддержка, которую оказывали пакистанские спецслужбы талибам. Однако к концу 90-х годов с приходом новой администрации президента США Б.Клинтона (1996) Вашингтон стал придерживаться линии, направленной на расширение связей и с Индией, и с Пакистаном, но при более благоприятном отношении к Нью-Дели. Исламабад настороженно воспринял такой курс Вашингтона.

В это время и американцы уже изменили свое прежнее благожелательное отношение к талибам, поскольку те предоставили полную свободу действий на своей территории Усама бен Ладену и его террористической организации «Аль-Каида», которая провела несколько терактов против США по всему миру. Вашингтон требовал от Пакистана «надавить» на талибов, чтобы те остановили «Аль-Каиду» и удалили из Афганистана У. бен Ладена. Однако в то время Пакистан, даже если бы и захотел, уже не имел возможности выполнить эти американские требования. В Афганистане все большую силу и влияние приобретал «арабский сегмент» экстремистов, роль и возможности Пакистана значительно уменьшились. Однако Вашингтон не принимал во внимание эти реалии, продолжал требовать от Исламабада невозможного и ужесточал свои отношения с Пакистаном, одновременно улучшая их с его главным противником – Индией.

Пакистан оказался в сложном и трудном положении. По инерции он поддерживал талибов, поведение которых становилось все более вызывающим и варварским (уничтожение древних скульптур Будды, расистский подход к иноверцам и «чужакам» и т.д.), что вызывало огромное недовольство цивилизованного мира и сказывалось, естественно, и на его отношении к Пакистану. Положение Исламабада было крайне тяжелым – от него отвернулись бывшие союзники, и в то же время он практически потерял контроль над деятельностью талибов. Решение дилеммы произошло довольно неожиданно и с той стороны, откуда этого меньше всего можно было ожидать.

После трагических событий в сентябре 2001 г. в Америке Вашингтон создал и возглавил антитеррористическую коалицию для уничтожения «Аль-Каиды» и Движения талибов в Афганистане. После некоторых колебаний Исламабад повернул свой «афганский» курс на 180 градусов. Он разорвал все связи с талибами и принял участие в борьбе с ними.

Необходимо отметить, что Пакистан не сразу во всем поддержал США в антитеррористической кампании, и первое время пытался занимать некую «среднюю» позицию. Так, он противился проведению «акций возмездия», выступал за их скорейшее прекращение, был против быстрого продвижения войск «Северного Альянса» и др. (во многом это диктовалось внутренней обстановкой в стране, где были сильны оппозиционные настроения).

Но в целом Исламабад оказывал Вашингтону довольно активную поддержку. Так, он блокировал доставку в Афганистан нефтепродуктов, прекратил транзитную торговлю, заморозил банковские счета талибских деятелей, военных командиров, духовных лиц. Была закрыта граница с Афганистаном. США получили возможность использовать некоторые военно-воздушные базы Пакистана, стали получать информацию от пакистанских спецслужб по ситуации в Афганистане, особенно тесными были связи спецслужб в ядерной области. Неоднократно руководители США заявляли, что Пакистан играет ключевую роль в решении афганского конфликта.

Естественно, отношение к Пакистану в западном мире сразу же изменилось. Уже в сентябре 2001 г. были сняты американские санкции, затем последовало предоставление экономической помощи, отсрочка выплаты процентов по внешнему долгу, обещание кредита в 1 млрд. долл. Такую же позицию заняли и другие спонсоры Пакистана – Япония, Германия, Англия, Франция и др. Япония, например, объявила о намерении реструктурировать пакистанский долг – 3,2 млрд. долл., а затем о выделении 1 млрд. долл. на реализацию проектов в социальной сфере Пакистана (здравоохранение, образование, водоснабжение). Всемирный банк принял решение об увеличении размеров ежегодной помощи Пакистану на 300 млн. долл. (в целом она составит около 1 млрд. долл.). На развитие сельского хозяйства заем в 550 млн. долл. выделил Азиатский банк развития. Важным политическим событием явилось избрание Пакистана 27 сентября 2002 г. непостоянным членом Совета Безопасности ООН. Исламабад стали активно посещать руководители этих стран, а недавний «узурпатор» – генерал П.Мушарраф сделался желанным гостем в США и многих других западных государствах.

Пакистан также был крайне заинтересован в улучшении отношений с Западом и прежде всего с США. Союзничество с США позволяло ему предпринять попытку выйти из международной изоляции, а также вернуть утраченные позиции в Афганистане. К тому же на фоне ухудшения отношений с Нью-Дели с конца 2001 г. заручиться поддержкой западных держав, в первую очередь США, было для Пакистана крайне важно. Идя на сближение с крупными западными государствами, Исламабад прежде всего стремился завязать долгосрочные стабильные политические связи и, в частности, установить «стратегические» отношения с Вашингтоном на различных уровнях.

В июне – июле 2003 г. президент Пакистана генерал Первез Мушарраф нанес визиты в Великобританию, Германию, Францию и США. Они были направлены на то, чтобы подчеркнуть важность для Исламабада развития отношений с ведущими странами западной Европы и, конечно, с США, поднять престиж Пакистана на мировой арене, а также для создания благоприятной международной обстановки в интересах безопасности и экономического развития страны. Вопросы укрепления торгово-экономических связей явились главной темой, поднимаемой пакистанской стороной в ходе двусторонних переговоров. П.Мушарраф не только обратился к западным странам с просьбой оказать Пакистану экономическую помощь, но и призвал западных предпринимателей вкладывать средства в экономику Пакистана. Со своей стороны, США объявили о намерении предоставить экономическую помощь Пакистану в общей сложности на сумму в 3 млрд. долл. на пять лет. Были подписаны несколько рамочных соглашений о торговле и инвестициях и научно-техническом сотрудничестве.

Помимо этого Пакистан стремится восстановить сотрудничество с Западом и в области обороны, надеясь на снятие им эмбарго на поставки в страну современного оружия. Выразив серьезную озабоченность в связи с безопасностью государства, П.Мушарраф обратился к США с просьбой возобновить военные поставки и предоставить заказанные Пакистаном еще в 80-е годы истребители Р-16. 1 июля 2003 г. Германия приняла решение о снятии с Пакистана эмбарго на поставки вооружения.

Западноевропейские страны оставались по-прежнему основными экономическими и торговыми партнерами Пакистана.

Еще в 1990 г. в ходе государственного визита президента Франции Ф.Миттерана в Пакистан был заключен ряд торгово-экономических соглашений, в частности и о предоставлении Пакистану займа в 172 млн. фр. К середине 90-х годов объем двустороннего торгового оборота между Пакистаном и Францией составил около 1 млрд. долл. В последующие годы выросло число совместных пакистано-французских предприятий, в основном расположенных в Карачи и Исламабаде. Крайне важным для Исламабада явилось Соглашение 1993 г., о научно-техническом сотрудничестве в сфере использования ядерных технологий, в сельском хозяйстве, медицине и охране окружающей среды⁸.

Пакистано-французский деловой союз (Pakistan – France Business Alliance), находящийся в Карачи, объединяет более 100 пакистанских торговых компаний, через которые идет большая часть торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. Страны ЕС являются крупнейшими поставщиками товаров в Пакистан, на них же приходится 30% пакистанского экспорта (что превышает совокупную долю США и Японии). Пакистан достиг положитель-

ного сальдо торгового баланса в отношениях с ЕС, которое в 2001 г. составило 750 млн. евро⁹.

Основными рынками сбыта пакистанских товаров в странах ЕС являются Великобритания, Германия и Франция. Эти страны также лидируют по объему пакистанского импорта из Европы.

34% французского экспорта в Пакистан составляют средства производства (машины и оборудование, электроника и телекоммуникационное оборудование), а 25% – промежуточные продукты и полуфабрикаты (в основном химикаты, металлопрокат, узлы и компоненты для энергетического и электронного машиностроения) В последние годы возрос экспорт продукции агропромышленного комплекса из Франции¹⁰.

По объему инвестиций в пакистанскую промышленность среди европейских стран лидируют Великобритания, Германия и Франция. Последняя занимает по этому показателю 8-е место в мире. В Пакистане функционирует на сегодняшний день около 33 французских компаний. Наибольшую инвестиционную активность развернули «Алкатель» в сфере телекоммуникационного оборудования, «Алстом» – электронное оборудование, «Авентис» – европейский лидер в фармацевтической промышленности, «Данон» – продукты питания. За последние несколько лет было запланировано и осуществлено несколько совместных проектов в текстильной, нефтяной и химической промышленности. Французское участие в пакистанской экономике осуществляется в основном через совместные франко-пакистанские предприятия и компании, а также через участие Франции в приватизационных программах, осуществляемых пакистанским правительством¹¹.

Франция является одной из крупнейших в мире стран, оказывающих финансовую помощь Пакистану (за последние 5 лет этот показатель составил около 5 млн. долл.). В основном эти средства идут на развитие инфраструктуры, что крайне необходимо для пакистанской экономики¹².

Активно развивалось пакистано-французское сотрудничество и в военной сфере, в рамках которого Пакистан приобрел несколько подводных лодок, самолетов и др.

Пакистан и Франция успешно сотрудничают в области культуры, науки и техники. Налажены прочные научные контакты, осуществляется активный обмен между профессорами и студентами обеих стран. Ярким показателем сотрудничества в культурной сфере является то, что в Исламабаде, Карачи, Лахоре и Пешаваре успешно работают французские культурные центры¹³.

За последний год значительно увеличился объем товарооборота между Пакистаном и Германией. В 2002–2003 финансовом году стоимость пакистанского экспорта в Германию составила около 573 млн. евро, а стоимость импорта возросла до 562 млн. евро. Основные статьи пакистанского экспорта в ФРГ приходятся на продукцию текстильной

и сельскохозяйственных отраслей, а импортируются из Германии в первую очередь машинное и электронное оборудование и химикаты. В первой половине 2001 г. Германия импортировала из Пакистана товаров на общую сумму в 301 млн. евро, а экспортировала более чем на 220,5 млн. евро. В Карачи был основан германо-пакистанский форум с участием нескольких пакистанских компаний. В 2001 г. германское правительство выделило около 25,6 млн. евро на развитие с Пакистаном различных программ в рамках двустороннего сотрудничества, включая инвестиционные проекты в социальной сфере¹⁴.

Среди прочих двусторонних пакистано-германских соглашений наиболее важными являются Соглашение о воздушном транспорте, Соглашение об инвестиционном развитии, Рамочное соглашение о сотрудничестве в технической сфере и др.

За период с 1961 г. по 2000 г. Германия потратила более 5 млрд. марок на развитие связей с Пакистаном в различных областях. Так же как и другие западные страны, Германия приостанавливала темпы сотрудничества с Пакистаном, в частности, в связи с ядерными испытаниями 1998 г. и военным переворотом 1999 г., но на сегодняшний день отмечается подъем двусторонних отношений. Это не раз отмечалось в ходе государственных визитов представителей обеих стран и было подтверждено также и в ходе государственного визита П.Мушаррафа в июне 2003 г. по странам Западной Европы. Помимо торгово-экономического сотрудничества приоритетными направлениями являются сферы здравоохранения и образования. Германия выступает за развитие демократических принципов, совершенствование гражданского общества и соблюдение прав человека в Пакистане.

Пакистан и ФРГ имеют давнюю историю сотрудничества в области культуры, науки и техники. Об этом свидетельствуют многочисленные научные и культурные контакты между специалистами обеих стран. В Карачи осуществляется ряд проектов под эгидой Института Гёте, а при поддержке немецкого посольства в Пакистане и пакистано-германских обществ дружбы в Лахоре и Исламабаде проводятся различные культурные и научные программы¹⁵.

Однако по-прежнему в отношениях Пакистана с западным миром приоритетное направление занимает сотрудничество с США. После начала антитеррористической операции в Афганистане пакистанские и некоторые западные СМИ активно заговорили о той помощи, которую Пакистан оказал США и их союзникам в операции в Афганистане. Это также отмечалось в ходе официальных встреч представителей обеих стран. В феврале 2002 г. в ходе государственного визита П.Мушаррафа в США стороны заявили о начале новой фазы в истории пакистано-американских отношений, направленных на развитие долгосрочного партнерства в сфере политики, экономики и обороны¹⁶. Президент Дж. Буш отметил, что Первез Мушарраф – важнейший партнер международной коалиции в борьбе с терроризмом. Со-

трудничество с Пакистаном будет продолжаться, и Вашингтон выполнит все свои обещания¹⁷. В ходе этого же визита также обсуждались детали предоставления Пакистану экономической помощи на сумму 350 млн. долл., в том числе и 51 млн. на военные нужды.

В рамках активизации военного сотрудничества Пакистан осуществил закупки военной техники (самолетов, вертолетов, оборудования для ведения пограничного контроля), была возобновлена работа пакистано-американской консультативной группы по вопросам обороны, достигнута договоренность о восстановлении в прежних объемах программы подготовки военных технических специалистов и проведении совместных пакистано-американских маневров на суше, в море и в воздухе. В октябре 2002 г. эти маневры были проведены¹⁸.

Следует отметить, что активизировалось пакистано-американское сотрудничество по линии спецслужб. В ходе совместных спецопераций были арестованы многие члены организации «Аль-Каида» и Движения талибов, переместившихся на территорию Пакистана после проведения антитеррористической операции в Афганистане. К концу 2002 г. в Пакистане функционировало около 44 офисов ФБР, расположенных в основном в Пенджабе и Северо-Западной пограничной провинции¹⁹. Главными направлениями сотрудничества по линии спецслужб являются обмен информацией о месте нахождения преступников, организация и проведение арестов, осуществление совместных расследований, отслеживание каналов финансирования экстремистских группировок, обучение американскими специалистами пакистанских коллег методам борьбы с террористами. Однако несмотря на официальные заявления властей и на определенные успехи по уничтожению очагов терроризма на территории Пакистана, в последнее время все больше появляется фактов, свидетельствующих о том, что успехи антитеррористической борьбы сильно преувеличены. Бывшие талибы и их руководители предположительно спокойно находят убежище и помощь на территории Пакистана, террористические организации продолжают получать финансовую и моральную поддержку, а пойманные главарь экстремистов через какое-то время выпускаются на свободу.

Показав себя в ходе американской операции в Афганистане верным союзником США, Пакистан во многом выиграл во внешнеполитической сфере. Совместно они выступали со многими инициативами по обустройству мирной жизни Афганистана. Важно отметить, что с одной стороны, от сотрудничества с США в афганском вопросе Пакистан явно выигрывает, но с другой, это создает Исламабаду крупные внутрисполитические проблемы, особенно в приграничных с Афганистаном пуштунских районах, где сильны антиамериканские настроения.

Представляется, что возникшее в ходе антитеррористической кампании сотрудничество США с Пакистаном будет продолжено. Конечно, можно вспомнить, как США изменили свой курс в отношении

Пакистана в начале 90-х годов. Однако с учетом нынешней нестабильности в Афганистане США, вероятно, долго будут нуждаться в таком союзнике, как Пакистан. Кроме того, Вашингтон сможет использовать сотрудничество с Исламабадом и во взаимоотношениях с Индией для определенного давления на нее.

В отличие от прежних периодов в США сейчас нет веских доводов для прекращения отношений с Пакистаном. Однако представляется, что сотрудничество это не перейдет в разряд «стратегического» и будет в дальнейшем сильно зависеть от внешних обстоятельств.

Одним из самых существенных ограничителей на пути американо-пакистанских взаимоотношений является индийский фактор. США в силу многих причин заинтересованы в тесном сотрудничестве с Индией. Но последняя находится в конфронтации с Пакистаном, что и будет препятствовать развитию американо-пакистанских отношений. Это, в частности, проявилось и в отношении Нью-Дели к самому участию Пакистана в антитеррористической кампании. Союз Америки и Пакистана вызвал возмущение и недоумение со стороны Индии, министр внутренних дел которой Л.К.Адвани резко высказался по поводу того, что «террористическое государство, которое причиняло Индии беспокойство на протяжении десятилетий, стало главным союзником США в борьбе с терроризмом»²⁰.

В данной статье было показано непостоянное, меняющееся отношение США к Пакистану в зависимости от внутренних и внешних проблем, сопровождающих этот процесс. Существенную роль в нем играл «индийский фактор», конфронтация между Пакистаном и Индией. Вашингтону все время приходилось оценивать степень и характер взаимоотношений этих стран и соответственно определять свой подход к каждому государству. В 50-е годы США были целиком на стороне Пакистана, игравшего важную роль в создании их глобальной блоковой структуры, в то время как Индия раздражала Вашингтон своей политикой неприсоединения. В дальнейшем, особенно во время пакистано-индийских вооруженных конфликтов, у США был примерно равный подход к его участникам. В период афганских событий 80-х годов США безусловно поддерживали Пакистан. Десятилетием позже это отношение ухудшилось и соответствующим образом улучшился подход США к Индии. В настоящее время американская позиция в отношении Нью-Дели и Исламабада сбалансирована, хотя в целом предпочтение отдается Индии.

Это предпочтение особенно проявляется в наиболее болезненной для Пакистана проблеме – военном сотрудничестве. После снятия санкций с Индии и Пакистана в 2001 г. США сразу же восстановили военное сотрудничество с Нью-Дели, включая поставки оружия и сотрудничество в области высоких технологий (развитие ядерной энергетики, мирное освоение космического пространства, модернизация ряда высокотехнологических отраслей производства).

Что касается Пакистана, то в первое время отмена американских санкций практически не коснулась военной сферы. Впоследствии началась медленная эволюция военного сотрудничества, которое вначале сводилось к взаимным визитам высших военных чинов обеих стран, обсуждению перспектив и планов такого сотрудничества. Восстановила свою работу пакистано-американская консультативная группа по вопросам обороны (не действовала с 1997 г.). В ее рамках были созданы рабочие группы по военному сотрудничеству, содействию безопасности, а также антитеррористической деятельности. Были проведены пакистано-американские военные маневры.

Лишь в последнее время состоялись небольшие поставки техники «двойного назначения» – грузовиков, джипов, машин скорой помощи, вертолетов, аппаратуры ближней и дальней связи, оборудования для укрепления пакистано-афганской границы, мониторинга положения на «линии контроля» в Кашмире. В январе 2003 г. США передали силовым структурам Белуджистана технических средств на 30 млн. долл. для усиления охраны границы с Афганистаном и Ираном (2400 км), борьбы с агентурой «Аль-Каиды», противодействия производству и провозу наркотиков²¹. Таким образом, американо-пакистанское военное сотрудничество и соответствующие поставки техники определяются главным образом потребностями борьбы с терроризмом и сложностью положения на границах. В конце 2003 г. Пакистану была передана партия в 60 боевых вертолетов, что объяснялось американской администрацией «необходимостью борьбы пакистанских вооруженных сил с отрядами талибов и «Аль-Каидой».

При этом Вашингтон внимательно следил за положением ракетно-ядерного потенциала Пакистана, особенно опасаясь каких-либо его контактов со «странами-изгоями» и возможностей попадания оружия массового уничтожения в руки террористов. В апреле 2003 г. власти США объявили о введении санкций против пакистанского Института ядерных исследований, где ведутся также работы по ракетостроению, который был обвинен в закупке у Северной Кореи партии ракет среднего радиуса действия «Нодон», способных нести ядерные боеголовки. Тогда президент Первез Мушарраф лично заверил американское руководство в том, что он не будет помогать Северной Корее получить ядерную бомбу. Несмотря на то, что экономического урона эти санкции нанести Пакистану не могли, они имели важное психологическое значение: Вашингтон впервые пошел на серьезные ограничения торговли с Пакистаном с тех пор, как после 11 сентября 2001 г. Исламабад был объявлен важнейшим союзником Вашингтона в антитеррористической борьбе.

Однако военно-техническое сотрудничество с Пакистаном США не свернули. Более того, уже в сентябре 2003 г. обсуждался вопрос о поставках в Пакистан современной военной техники и вооружений на сумму 9 млрд. долл. Исламабад выразил также пожелание получить

40 истребителей Ф-16, современное радарное и другое оборудование для сухопутных и военно-морских сил. Продолжало развиваться сотрудничество Пакистана и США по линии спецслужб, пакистанские военные специалисты проходили обучение и стажировку в Америке.

Более того, на позицию США не повлияли ставшие известными факты поставок Пакистаном в течение длительного времени ядерных технологий и ноу-хау Ирану, Ливии и Северной Корее. Вашингтон удовлетворил объяснения Исламабада, что к этим поставкам руководство не имело никакого отношения, а осуществлялись они ведущими специалистами-ядерщиками в интересах личной наживы.

Важным фактором, влияющим на сотрудничество между США и Пакистаном, является состояние индийско-пакистанских отношений. Существующая напряженность в них не соответствует интересам США, как и других великих держав – России и КНР, поскольку препятствует развитию их связей с обоими участниками конфликта, мешает установлению выгодного баланса в отношениях с ними, в какой-то мере негативно сказывается и на взаимоотношениях самих великих держав. Поэтому они настойчиво выступают за урегулирование индийско-пакистанских проблем, за установление на субконтиненте нормальных добрососедских отношений. Великие державы заинтересованы в прекращении террористической деятельности в этом регионе, представляющей серьезную опасность. Значительна была роль США, России и КНР в недопущении перерастания кризисного состояния отношений Индии и Пакистана в начале нового тысячелетия в широкомасштабный вооруженный конфликт, возможно, с применением ядерного оружия. В дальнейшем великие державы последовательно выступали за преодоление последствий этого кризиса, улучшение взаимоотношений двух соседних государств. Примерно с середины 2003 г. «процесс пошел» в нужном направлении: войска обеих стран, находившиеся в непосредственной близости, были отведены на определенное расстояние, прекратился огонь на межгосударственной границе и «линии контроля» в Кашмире, возобновлены транспортные связи между Индией и Пакистаном, была восстановлена численность их дипломатических миссий, сокращенная в период кризиса, разработана система мер доверия, способствующих нормализации двусторонних отношений. Возникла возможность возобновления политического диалога между Пакистаном и Индией, на чем настаивают США. Таким образом, без преувеличения можно сказать, что отношения между Исламабадом и Вашингтоном будут во многом зависеть от пакистано-индийских отношений.

Определенным ограничителем американо-пакистанских взаимоотношений может стать конфессиональный характер Пакистана. Он является частью мировой мусульманской общины (уммы), и его внешнеполитические действия существенно зависят от положения в мусульманском мире и от настроений внутри страны, где сильны про-

исламские чувства. В силу этих обстоятельств Пакистан не сможет безусловно поддерживать США в их проводимых (Ирак) и предполагаемых акциях против других мусульманских стран. Это, с одной стороны, будет вызывать недовольство США, а с другой, постоянно ставить пакистанское руководство перед сложнейшим выбором, для осуществления которого необходима как политическая воля, так и объективные возможности. Последние события в Пакистане (особенно в приграничных с Афганистаном районах) свидетельствуют о нарастающем недовольстве населения «прозападной» политикой властей. Несомненно, это осложняет американо-пакистанские отношения.

В целом можно сказать, что прочные отношения с Западом, в первую очередь с США, крайне важны для Исламабада, они укрепляют его международные позиции, способствуют его экономическому развитию. Однако часто он становится заложником своей зависимости от западных стран. Стремясь играть лидирующую роль в мусульманском мире, с учетом нынешней сложной глобальной политической обстановки Пакистан вынужден действовать крайне осторожно и взвешенно в своих внешнеполитических акциях. Очень многое будет зависеть от этого и в дальнейшем. Если страна не будет выходить за рамки американских интересов, будет согласовывать свою политику с устремлениями Вашингтона, то это будет содействовать развитию их контактов. Если же Исламабад будет проявлять самостоятельность и «своевольничать», то это негативно скажется на американо-пакистанских отношениях. Думается все же, что в будущем эти отношения станут более стабилизированы, не возникнет, как в прошлом, резких падений и подъемов, в целом они смогут держаться на устойчивом среднем уровне, с тенденцией к повышению. Доказательством тому стал следующий факт. В середине марта 2004 г. Пакистан посетил с визитом госсекретарь США Колин Пауэлл, который по итогам своего пребывания в стране заявил, что США включают Пакистан в список ближайших стран-союзниц США, не являющихся членами НАТО. К числу таких государств относятся также такие страны, как Египет, Израиль, Япония, Южная Корея и некоторые другие. Включение Пакистана в этот список является, по словам госсекретаря, признанием заслуг Исламабада в борьбе против терроризма. Этот шаг Вашингтона означает снятие последних американских санкций, наложенных на Пакистан в 1999 г. в связи с военным переворотом. Включение Пакистана в этот «эксклюзивный клуб» принесет ему ощутимую экономическую и военную помощь и получение вооружений и, возможно, откроет путь к тесному и долгосрочному сотрудничеству. Видимо, таким же будет и отношение к Пакистану ведущих европейских государств.

¹ Аналитический обзор: зачем Пакистан стремится улучшить отношения с западными странами? // www.russian.xinhuanet.com/htm/07071506041.htm

² См. книгу: Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы эволюции). – М., 1984, с. 5.

³ Там же, с. 30.

⁴ Там же, с. 226.

⁵ Pakistan-US Relations. // Defense Journal, Nov 2003.

⁶ Американо-пакистанские отношения // Энциклопедия Пакистана. – М., 1998, с. 296.

⁷ Dennis Kux. The United States and Pakistan 1947–2000: Disenchanted Allies. 2001, с. 336.

⁸ Американо-пакистанские отношения // Энциклопедия Пакистана. – М., 1998, с. 296.

⁹ Pak-France economic relations: an overview // www.iang.com.pk/thenews/iul2003-weeklv/busrev-28-07-2003/p6.htm

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ www.german-embassy.org.pk/en/home/news13.html

¹⁵ www.german-embassy.org.pk/en/home/news13.html

¹⁶ Pervez Musharraf visits US //

www.pakistaneconomicist.com/issue2002/issue7/etc3.htm

¹⁷ Пульс планеты, 14.02.2002.

¹⁸ ИТАР-ТАСС, 18.10.2002.

¹⁹ ИТАР-ТАСС 26.09.2002.

²⁰ Коммерсант. М., 17.10.2001.

²¹ Военное обозрение. М., 2003, № 3, с. 57.

**ПАКИСТАНО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (1990–2004 годы)**

Конец 80-х – начало 90-х годов характеризовались кардинальными изменениями структуры международных отношений и расстановки политических сил в мире, что оказало непосредственное влияние на формирование соответствующего новым реалиям внешнеполитического курса Соединенных Штатов и повлекло за собой перестройку внешнеполитической концепции Пакистана.

С окончанием «холодной войны» у США появились новые возможности и одновременно весьма серьезные проблемы. С одной стороны, прекращение глобальной конфронтации означало исчезновение реальной военной угрозы Соединенным Штатам и превращение их в единственную военную сверхдержаву. США приобрели гораздо большую свободу стратегического маневра и получили широкие возможности для сотрудничества с государствами, входившими ранее в социалистическое содружество, и новыми государствами на пространстве бывшего СССР. С другой стороны, крах биполярного миропорядка обернулся усилением дестабилизирующих тенденций в мире, что выразилось в увеличении числа этнорелигиозных конфликтов, распространении ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, росте международного терроризма и преступности.

После вывода советских войск из Афганистана и особенно после распада биполярной системы международных отношений акценты в повестке дня пакистано-американских отношений сместились в сторону очевидных противоречий между двумя странами, что было в большей степени обусловлено падением значимости Пакистана в стратегии Вашингтона и выдвиганием новых приоритетов во внешней политике США. Целеполагающими установками внешнеполитической стратегии стали обеспечение безопасности и процветания страны, укрепление режимов нераспространения и контроля за ракетной технологией, борьба с международным терроризмом и преступностью, продвижение демократии в мире¹. Впервые «стратегия расширения мирового свободного сообщества рыночных демократий»² была сформулирована Белым домом в 1993 г. в качестве замены стратегии «сдерживания». С выдвиганием новых приоритетов внешней политики США стало очевидно, что ситуация в Пакистане не отвечает принципам и интересам американской администрации.

В 90-е годы в центре пакистано-американского диалога находились следующие вопросы: ядерное нераспространение и нераспространение ракетных технологий, поддержание стабильности в южноазиатском регионе, демократизация и права человека, экономическое развитие Пакистана. В конце 90-х годов в общую повестку дня пакистано-американских отношений была включена проблема борьбы с терроризмом.

**Начало 90-х годов:
прекращение военной и экономической помощи США
Пакистану и ужесточение позиции Вашингтона**

В мае 1990 г. спецслужбы США предоставили президенту Дж.Бушу информацию о том, что Пакистан, несмотря на неоднократные предупреждения Вашингтона о недопустимости продолжения ядерной программы, перешел к последней стадии создания ядерного оружия. 1 октября 1990 г. Дж.Буш не выступил перед Конгрессом с подтверждением отсутствия у Пакистана ядерного оружия, чего требовала поправка Пресслера³. Это привело к замораживанию поставок в Пакистан вооружений на общую сумму в 1,3 млрд. долларов⁴ (включая самолеты F-16, которые Пакистан уже частично оплатил) и прекращению экономической и военной помощи на сумму 564 млн. долларов⁵, запланированной на 1991 г. Предоставление помощи продолжалось только по линии уже действовавших в тот момент программ.

Эта акция Вашингтона стала тяжелым ударом для пакистанского руководства, особенно в свете того, что 13 августа 1990 г. правительство Пакистана, несмотря на широкие демонстрации в стране в поддержку Саддама Хусейна, объявило о своем решении выступить на стороне Соединенных Штатов в Кувейтском кризисе. Кроме того, прекращение экономической помощи отрицательно сказалось на экономическом положении страны.

Пакистанское правительство незамедлительно заявило о несправедливом отношении к Пакистану и его дискриминации, поскольку поправка Пресслера не предусматривала аналогичных мер в отношении других государств.

В середине октября 1990 г. в Вашингтоне состоялись переговоры министра иностранных дел Пакистана Мухаммада Якуб-хана с государственным секретарем США Джеймсом Бейкером. Предметом переговоров стал вопрос об отмене ограничений, введенных в соответствии с поправкой Пресслера. М.Якуб-хан предложил заморозить ядерную программу Пакистана в обмен на снятие санкций. Однако американская администрация считала, что подобной меры недостаточно: Пакистан должен был уничтожить ядерные материалы и свернуть свою программу. Якуб-хан отверг возможность подобного хода событий. Введение санкций и провал переговоров знаменовали переломный момент в пакистано-американских отношениях: начался период постепенного охлаждения в отношениях между двумя странами.

Пакистано-американский диалог по ядерной проблеме продолжился на переговорах в Исламабаде в ноябре 1991 г. (в ходе визита помощника государственного секретаря по вопросам безопасности Реджинальда Бартоломью), а также в рамках визита первого заместителя министра иностранных дел Пакистана Шахрияр Хана в Вашингтон в начале 1992 г. Последний визит примечателен тем, что в ходе него Пакистан на официальном уровне признал, что обладает всеми возможностями для создания ядерного оружия⁶. Однако попытка Исламабада установить более доверительный контакт с американской администрацией ни к чему не привела.

Ситуацию усугубляло то, что в сентябре 1991 г. Соединенные Штаты и Советский Союз объявили о решении прекратить оказание военной помощи противоборствующим группировкам в Афганистане. Таким образом, Афганистан оказался на периферии внешнеполитических интересов американской администрации, а Пакистан, лишенный экономической и военной помощи, столкнулся с необходимостью самостоятельно решать острые внутренние проблемы, ставшие результатом его вовлеченности в афганскую эпопею. Пакистану по-прежнему приходилось нести большие расходы по содержанию афганских беженцев, которые не хотели возвращаться на объятую гражданской войной родину, а также на поддержку различных афганских группировок⁷.

В конце 1991 г. позиция пакистанских правящих кругов относительно борьбы с терроризмом стала еще одной причиной дальнейшего ухудшения пакистано-американских отношений. В начале 1992 г. помощник госсекретаря США по политическим делам Арнольд Кантер, опираясь на сведения, предоставленные разведывательными службами США, выступил с предостережением в адрес пакистанского правительства о том, что если Пакистан продолжит оказывать помощь кашмирским боевикам, он будет внесен в список стран, официально поддерживающих терроризм (что влекло за собой введение очередного пакета санкций).

Вместе с тем следует отметить, что администрация Дж.Буша стремилась сохранить военное сотрудничество с Пакистаном на достаточно высоком уровне. Как считают некоторые американские исследователи⁸, такая политика Вашингтона объяснялась, с одной стороны, выгодным геостратегическим положением Пакистана в непосредственной близости к региону Персидского залива и в этом контексте особой заинтересованностью американского руководства в прочных дружественных связях с пакистанской правящей верхушкой, а с другой стороны, стремлением американского правительства иметь рычаги воздействия на пакистанских военных, игравших ключевую роль в принятии решений, касавшихся ядерной программы Пакистана. Так, в феврале 1992 г. государственный департамент США выдал лицензии на продажу Пакистану запасных частей для самолета-

тов F-16, которые были переданы пакистанским ВВС до введения санкций⁹. Сумма сделки составила 120 млн. долларов.

В ноябре 1992 г. в США состоялись президентские выборы. Победу одержал кандидат от Демократической партии Билл Клинтон. Новая американская администрация¹⁰ заняла более жесткую позицию в вопросах ядерного нераспространения и прав человека. 16 января 1993 г., выступая перед Сенатом США, новый государственный секретарь Уоррен Кристофер обрушился с резкой критикой на Пакистан, поставив его в один ряд с Бирмой как страной, где отсутствует практика проведения свободных демократических выборов и соблюдения прав человека¹¹.

В июле 1993 г. пакистано-китайское сотрудничество в ракетной сфере оказалось в центре внимания Вашингтона. Государственный департамент, получив информацию о продаже Китаем Пакистану ракет средней дальности (М-11) и пусковых установок, предупредил руководство КНР о возможности введения санкций против стран – нарушительниц Режимы контроля над ракетной технологией (РКРТ)¹². Несмотря на то, что китайская сторона отвергла обвинения подобного рода, государственный департамент США счел необходимым объявить 25 августа 1993 г. о введении санкций против Пакистана и КНР. Соединенные Штаты ввели ограничения на экспорт высокотехнологичной продукции в Пакистан и запрет на экспорт товаров в Китай в течение двух лет. По существу, данный инцидент в большей степени отразился на китайско-американских отношениях, чем на отношениях между Пакистаном и США. Однако сам факт грубого вмешательства в двусторонние пакистано-китайские отношения и попытка давления на КНР со стороны США были крайне отрицательно восприняты пакистанским руководством.

Жесткость позиции Вашингтона, однако, не означала полного прекращения политического диалога и сотрудничества с Исламабадом. Пытаясь наладить политический диалог между двумя странами, президент Билл Клинтон выступил в марте 1994 г. с инициативой, касающейся проблемы ядерного нераспространения. Б.Клинтон заявил о готовности американской администрации добиться одобрения Конгрессом отмены эмбарго на поставки самолетов F-16 в случае, если Пакистан заморозит свою ядерную программу и согласится на проведение инспекций своих ядерных объектов, а также на установление камер наружного наблюдения и использование других технических средств проверки недееспособности пакистанской ядерной программы. Премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто назвала предложение американской администрации проявлением дискриминации в отношении Пакистана. Таким образом, попытки американских властей решить ядерную проблему Пакистана путем переговоров и одновременно ликвидировать создавшуюся некоторую напряженность в отношениях между двумя странами на данном этапе не увенчались

успехом. Однако стремление наладить политический диалог и вывести двустороннее сотрудничество на более высокий уровень наблюдалось как в Вашингтоне, так и в Исламабаде.

Несмотря на отсутствие прогресса в вопросе пакистанской ядерной программы, являвшейся ключевым пунктом в пакистано-американской повестке дня для государственного департамента, министерство же обороны США было заинтересовано в улучшении отношений с Пакистаном, рассматривая последний в качестве потенциально значимого союзника Соединенных Штатов и проводника американских интересов в мусульманском мире. Так, в январе 1995 г. министр обороны США Вильям Перри совершил визит в Исламабад. Он предложил возобновить работу пакистано-американской консультативной группы, созданной в период афганской войны как механизм, в работе которого участвовали представители военных ведомств двух стран. В.Перри признал обоснованными претензии Пакистана, касающиеся самолетов F-16.

Стремясь завоевать расположение Соединенных Штатов, в феврале 1995 г. правительство Б.Бхутто приняло решение об экстрадиции в США Рамси Юсуфа, подозреваемого в подготовке террористического акта во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке (26 февраля 1993 года в ВТЦ произошел взрыв).

В апреле 1995 г. в ходе визита в США Б.Бхутто добилась значительных уступок американской стороны в урегулировании проблемы приостановки поставок Пакистану самолетов F-16. Б.Клинтон обещал вплотную заняться решением этой проблемы и признал, что политику удерживания и самолетов, и денежных средств, уже переведенных Пакистану в счет будущих поставок¹³, необходимо пересмотреть. 21 сентября 1995 г. Сенат США принял поправку, смягчающую ограничения на предоставление помощи Пакистану (т.н. поправка Брауна). Поправка предусматривала возобновление экономической помощи Пакистану, осуществление поставок вооружений и военной техники на сумму более 350 млн. долл.¹⁴, о которых стороны имели договоренность до применения поправки Пресслера (за исключением поставок самолетов F-16). Было возобновлено обучение личного состава ВС Пакистана американскими специалистами. Конгресс принял решение продать самолеты F-16 другому государству и за счет полученных средств возместить расходы Пакистана.

Исламабад воспринял принятие поправки Брауна как признак улучшения пакистано-американских отношений. Вместе с тем новая поправка не затронула ключевую проблему для пакистанского правительства – восстановление прежнего уровня военной помощи и государственных поставок вооружений. Одновременно администрация Клинтон, несмотря на отмену ограничений на предоставление экономической помощи, воздержалась от учреждения двусторонних программ помощи и ограничилась лишь выделением субсидии в размере

2 млн. долл. пакистанским неправительственным организациям¹⁵. Таким образом, смягчение позиции Вашингтона не оказало значительного влияния на уровень пакистано-американского сотрудничества. Главной движущей силой некоторой корректировки курса США в отношении Пакистана было стремление сохранить возможность влиять на позицию пакистанского руководства через «дозирование» взаимодействия. Вашингтон продолжал проводить довольно жесткую политику в отношении Пакистана.

Вторая половина 90-х годов: низшая отметка уровня пакистано-американских отношений

В начале 1996 г. государственный департамент заявил о том, что правительство Б.Бхутто не предпринимает активных мер для борьбы с наркоторговлей, и впервые за последние 15 лет отказался подтвердить факт сотрудничества Пакистана с США в этой сфере (необходимость подтверждения государственным департаментом подобного сотрудничества была предусмотрена американским законодательством). Согласно законодательству Соединенных Штатов, отказ американского внешнеполитического ведомства должен был повлечь за собой введение санкций против Пакистана, однако президент Клинтон воспользовался правом изъятия, и введение санкций было приостановлено.

Решение Клинтона, вероятно, было обусловлено изменившейся ситуацией в Афганистане и новой политикой Пакистана на афганском направлении. В 1994 г. на афганской политической арене появилась новая сила – Движение талибов (ДТ). Его костяк составляли учащиеся (талибы) религиозных школ для афганских беженцев в Пакистане. Военные формирования ДТ в конвое на грузовиках в буквальном смысле с пакистанской территории проследовали через пограничный пункт Чаман и обосновались в г. Кандагаре. Кроме Пакистана, талибов поддержали Саудовская Аравия, которую привлекал исламский фундаментализм этого движения, а также ОАЭ. Соединенные Штаты держались в тени, но почерк Вашингтона читался за позицией Исламабада и Эр-Рияда; для США, в частности, было важно поддержать противников своего давнего врага – Ирана. Кроме того, американское правительство с помощью новой силы рассчитывало обеспечить благоприятные условия для своих нефтегазовых компаний (например, ЮНОКАЛ), задействованных в планах прокладки трубопроводов из Центральной Азии через Афганистан к пакистанскому побережью Индийского океана¹⁶. В геостратегическом смысле планы Вашингтона предусматривали обеспечить выход бывшим азиатским республикам СССР в южном направлении к портам Индийского океана и таким образом ослабить их экономическую привязку к России.

С момента появления талибов на политической арене Афганистана им удалось достичь крупных военных успехов. В сентябре 1996 г. талибы захватили г. Кабул. Реакция Белого дома на события в Афга-

нистане была положительной. Государственный департамент США призвал талибов как можно скорее установить законность и порядок в подконтрольных им районах и сформировать переходное представительное правительство¹⁷. Однако когда стали очевидны цели и принципы политики ДТ по строительству теократического государства, отношение американских властей к талибам стало меняться на диаметрально противоположное.

В сентябре 1997 г. состоялась первая встреча президента США Клинтона и нового премьер-министра Пакистана Миана Мухаммада Наваза Шарифа¹⁸, находившегося с визитом в Нью-Йорке. Б.Клинтон подчеркнул стремление американского правительства укреплять двусторонние отношения с Исламабадом и выразил желание посетить Пакистан. Премьер-министр заявил, что Пакистан заинтересован в улучшении отношений между двумя странами, и призвал Соединенные Штаты активизировать свои усилия в разрешении проблемы Кашмира.

Вместе с тем визит госсекретаря США М.Олбрайт в Исламабад в ноябре 1997 г. не выявил серьезных изменений в подходах Вашингтона к разрешению противоречий с Исламабадом. В центре переговоров с пакистанскими руководителями вновь оказались проблемы ядерного нераспространения, деятельность террористов в Кашмире и торговля наркотиками. Об этом свидетельствует введение Соединенными Штатами очередного пакета санкций в апреле 1998 г. против КНДР и пакистанского Центра ядерных исследований им. Кадир-хана, Северная Корея обвинялась в передаче ракетной технологии Пакистану.

11 и 13 мая 1998 года Индия произвела серию из пяти ядерных испытаний, после которых провозгласила себя государством, обладающим ядерным оружием. Испытания вызвали резкий резонанс в мире и поставили мировое сообщество перед рядом сложных проблем. Соединенные Штаты незамедлительно объявили о введении полномасштабных санкций в отношении Индии: было прекращено предоставление всех видов помощи индийской стороне, представители США во Всемирном Банке и Банке азиатского развития стали голосовать против выдачи кредитов индийскому правительству, Белый дом призвал остальные страны мира принять столь же жесткие меры в отношении Дели.

В такой ситуации, безусловно, в центре внимания Вашингтона оказался Пакистан. Заместитель госсекретаря США Строб Тэлботт срочно вылетел в Исламабад, где пытался убедить Пакистан не проводить «ответные» ядерные испытания, обещал, что США возобновляет поставки самолетов F-16 и восстановят экономическую и военную помощь в полном объеме. С целью подчеркнуть серьезность намерений Вашингтона президент Клинтон четыре раза проводил переговоры с Н.Шарифом по телефону.

Пакистанский премьер-министр оказался перед сложным выбором. С одной стороны, у Исламабада возникла реальная возможность

восстановить высокий уровень пакистано-американского сотрудничества, чего пакистанское руководство добивалось с 1990 г. после введения в действие поправки Пресслера. С другой стороны, пакистанские официальные лица скептически отнеслись к неподкрепленным конкретными действиями словам американского президента. Кроме того, пакистанский премьер-министр испытывал на себе огромное давление со стороны пакистанской общественности, требующей восстановить силовой баланс на Индийском субконтиненте и ответить на индийский вызов¹⁹.

Не решаясь идти на прямой конфликт с США, Н.Шариф сделал последнюю попытку предотвратить «ядерный ответ» Пакистана и обратился к американской администрации с требованием предоставить гарантии безопасности Пакистану в обмен на отказ от проведения ядерных взрывов. Соединенные Штаты не пошли на столь решительный шаг.

28 и 31 мая 1998 г. Пакистан произвел серию ядерных испытаний, получивших наименования «Покхран II» и «Чагай I», официально заявив таким образом об обладании ядерными взрывными устройствами²⁰.

Соединенные Штаты отреагировали незамедлительно: было объявлено о распространении санкций, введенных против Индии, на Пакистан. Одновременно американские дипломаты продолжили политический диалог с двумя странами для разрешения возникших противоречий. В 1998 г. прошли семь раундов переговоров с Индией и Пакистаном по вопросу о ядерном нераспространении и снижении напряженности в южноазиатском регионе.

В этот же период (1998 г.) в реестре пакистано-американских противоречий вновь появился афганский вопрос. Поддержка Пакистаном Движения талибов вызывала все большую озабоченность Белого дома. К тому же в середине августа 1998 г. спецслужбы США получили информацию о том, что террористические акты против американских посольств в Кении и Танзании были спланированы Усамой бен Ладеном, главой международной исламистской террористической сети, находившимся с 1996 г. в Афганистане. 21 августа 1998 г. военно-морские силы США открыли огонь крылатыми ракетами по тренировочным лагерям бен Ладена в Афганистане. Подобные действия американских ВМС вызвали крайнее раздражение пакистанского руководства, особенно в свете того, что США заранее не предупредили правительство Пакистана о планируемой акции (около сотни крылатых ракет «Тамагавков» нарушили пакистанское воздушное пространство, а несколько ракет упали вблизи от пакистанских населенных пунктов; МИД Пакистана выступил с заявлением протеста по этому поводу²¹).

Не заинтересованный в дальнейшем ухудшении отношений с Пакистаном и возлагая большую ответственность за разжигание гонки вооружений в Южной Азии на Индию, президент Клинтон пригласил премьер-министра Н.Шарифа посетить Вашингтон.

2 декабря 1998 г. премьер-министр Пакистана прибыл с визитом в США. В ходе переговоров в Вашингтоне американская сторона согласилась перечислить Пакистану 470 млн. долл. в счет погашения суммы, переданной пакистанским правительством в качестве оплаты за самолеты F-16, и поставить Пакистану пшеницу и ряд других товаров на оставшуюся сумму 140 млн. долл. в течение последующих двух лет.

Параллельно американская администрация продолжала наступление на ядерную программу Пакистана. В начале 1999 г. заместитель госсекретаря США Строб Тэлботт прибыл с визитом в Пакистан и выдвинул требования к пакистанскому правительству, выполнение которых обеспечило бы снятие всех санкций, включая введенные в соответствии с поправкой Пресслера. Требования, в частности, включали подписание Исламабадом Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, прекращение сотрудничества с КНДР в ракетной сфере, участие в многосторонних переговорах о запрещении производства расщепляющих материалов, полноформатное сотрудничество с США в области экспортного контроля. Пакистанское руководство отказалось взять на себя односторонние обязательства по выполнению требований США и потребовало подключить Индию к переговорам по американским предложениям. Вашингтон, стремившийся в тот момент к нормализации индийско-американских отношений, резкое ухудшение в которых произошло после ядерных испытаний Индии в 1998 г., вынужден был отказаться от своей инициативы²².

Некоторые исследователи²³ объясняют такой дискриминирующий подход к ядерной программе Пакистана следующими факторами: 1) в отличие от Индии, программа которой в основном развивалась самостоятельно, Пакистан вынужден был приобретать ядерные технологии за рубежом (то же касается и ракетной технологии); 2) заявления, в частности, Б.Бхутто о создании так называемой «Исламской ядерной бомбы» вызывали серьезную озабоченность США в связи с возможностью передачи ядерной технологии радикальным режимам Ближнего Востока; 3) кроме того, в отличие от Индии, где уровень ядерной безопасности традиционно высок, в Пакистане существует риск несанкционированного доступа к его ядерной инфраструктуре со стороны «негосударственных игроков», прежде всего экстремистских террористических групп. Борьба за власть и внутренние противоречия в Пакистане также ставят под угрозу безопасность его ядерных объектов.

В конце 1999 г. пакистано-американские отношения достигли своего низшего уровня в 90-е годы. 12 октября 1999 г. в Пакистане произошел военный переворот. После смещения правительства Н.Шарифа, введения чрезвычайного положения с приостановкой работы законодательных органов федерального и провинциального уровней руководство страной взял на себя генерал Мухаммад Первез

Мушарраф, провозгласивший себя главой исполнительной власти Пакистана. В 2000 г. Верховный суд страны подтвердил легитимность военной администрации П.Мушаррафа, установив трехлетний срок переходного периода для передачи власти гражданскому правительству (до 12 октября 2002 г.).

После установления в Пакистане военного режима Вашингтон занял в отношении Исламабада весьма жесткую позицию: прежде всего в том, что касается ключевых вопросов двусторонней повестки дня (проблема терроризма, ракетно-ядерное нераспространение, нормализация отношений с Индией, восстановление в Пакистане демократических норм, соблюдение прав человека). Были введены дополнительные санкции против Пакистана в связи с нарушением демократического пути развития страны. Одновременно интенсивно развивались связи США с Индией, что воспринималось в пакистанских правящих кругах с нескрываемой озабоченностью.

Официальные пакистано-американские контакты в 2000 г. (визиты в Исламабад Б.Клинтона в марте, старшего замгоссекретаря Томаса Пикеринга в мае, посещение Вашингтона министром иностранных дел Пакистана Абдул Саттаром в июне) не привели к существенным позитивным подвижкам в двусторонних отношениях.

Определенные надежды на их потепление пакистанское руководство связывало с новой американской администрацией Джорджа Уокера Буша, который в отличие от своего предшественника тяготеет к более глобалистским подходам и склонен учитывать пакистанский фактор как в региональном аспекте, так и на мировом уровне. В Исламабаде с удовлетворением восприняли назначение на должность заместителя госсекретаря США по проблемам Южной Азии Кристины Рокка, известную своими выступлениями за отмену санкций, введенных против Пакистана. Однако новое руководство в Вашингтоне ясно дало понять, что реанимации широкомасштабного взаимодействия, характерного для 80-х годов, не предвидится, а снятию санкций должно предшествовать достижение реального взаимопонимания по всем важнейшим вопросам двусторонних отношений.

В Исламабаде с раздражением восприняли очередной доклад государственного департамента США о борьбе с терроризмом (от 30 апреля 2000 г.), в котором пакистанские власти обвинялись в поддержке боевиков в Джамму и Кашмире, в попустительстве экстремистским группировкам на территории Пакистана (включая «Харакат-уль-Муджахедин», внесенную в США в список террористических организаций), в поддержке финансовыми и другими средствами талибов.

Определенные трения в пакистано-американских отношениях усилились в связи с попытками Исламабада активизировать сближение с КНР, в том числе в военной сфере. В частности, это относится к планам строительства при китайском содействии порта Гвадар, который, по мнению американской администрации, в перспек-

тиве может использоваться как база пакистанских и китайских ВМС в Индийском океане.

Визит А.Саттара в США 19–22 июня 2001 г. не стал отправным пунктом улучшения пакистано-американских отношений, как на то надеялось руководство Пакистана. Саттар провел переговоры с представителями госдепартамента, министерства обороны США, советником президента по национальной безопасности, с руководством Конгресса. Позиция США осталась неизменной: общему прогрессу в отношениях должно предшествовать реальное сближение позиций по конкретным пунктам двусторонней повестки дня.

Неудача визита Саттара стала совершенно очевидна, когда 20 июня П.Мушарраф провозгласил себя президентом Пакистана. В США это было воспринято как дальнейший отход от демократии, полностью противоречащий заверениям министра иностранных дел Пакистана.

11 сентября 2001 г. – поворотный момент в пакистано-американских отношениях

События 11 сентября 2001 г. оказали неоспоримое влияние на ситуацию в мире и привели к изменению политики Соединенных Штатов в отношении Пакистана на 180 градусов. Пакистан во внешнеполитической стратегии США вновь стал «прифронтовым государством». В течение месяца Соединенные Штаты сняли большую часть ограничений на предоставление помощи Пакистану. «Стабильный, демократический, экономически процветающий Пакистан» стал «ключом к осуществлению интересов США в Южной и Центральной Азии, а также на Ближнем Востоке»²⁴.

Уже 11 сентября 2001 г. президент Пакистана П.Мушарраф выступил с резким осуждением террористических актов в США и заявил, что Пакистан не приемлет терроризма в любых формах и проявлениях.

12 сентября состоялся телефонный разговор П.Мушаррафа с государственным секретарем США Колином Пауэллом. Лидер Пакистана заявил о поддержке Соединенных Штатов в борьбе с международным терроризмом.

19 сентября П.Мушарраф выступил с телеобращением к нации. Суть выступления пакистанского президента сводилась к тому, что Исламабад поддержал мировое сообщество в борьбе с международным терроризмом, поскольку это отвечает интересам страны. Пакистанское руководство согласилось предоставить воздушное пространство для нанесения ударов по Афганистану, на передвижение американских войск через свою территорию и на обмен информацией. Таким образом, Пакистан изменил свой внешнеполитический курс, отказался от союза с талибами и принял участие в международной антитеррористической кампании.

29 октября официальный представитель государственного департамента США Ричард Ваучер заявил, что американская админи-

страция решила предоставить Пакистану помощь в размере более 1 млрд. долл. и содействовать выделению ему еще нескольких миллиардов долларов по линии международных финансовых организаций с целью укрепления безопасности Пакистана как «ключевого члена антитеррористической коалиции, возглавляемой Соединенными Штатами»²⁵.

Под давлением США П.Мушарраф начал кампанию по борьбе с экстремизмом в Пакистане. 12 января 2002 г. пакистанский президент объявил о запрещении пяти экстремистских организаций («Джайш-и-Мохаммад», «Лакшкар-и-Тойба», «Сипах-и-Сахаба», «Техрик-и-Джафрия Пакистан», «Техрик-и-шариат-и-Мохаммади»), о введении контроля за деятельностью медресе. В январе 2002 г. было арестовано около 2100 экстремистов (хотя впоследствии большинство из них было выпущено на свободу), закрыто более 600 отделений экстремистских организаций, заморожены их банковские счета²⁶.

12–15 февраля 2002 г. состоялся визит президента П.Мушаррафа в США. Пакистанский руководитель провел переговоры с Дж.Бушем и государственным секретарем К.Пауэллом. Были достигнуты договоренности о восстановлении пакистано-американской консультативной группы по оборонным вопросам, о выделении 73 млн. долл. на усиление охраны пакистано-афганской границы, о компенсации Пакистану затрат на тыловое обеспечение группировки ВС США в Афганистане (около 60 млн. долл. в месяц)²⁷.

В марте 2002 г. государственный департамент США подтвердил, что Пакистан предпринимает эффективные меры по ликвидации торговли наркотиками и активно сотрудничает с США в этой сфере. Это позволило Белому дому выделить в 2002 г. 2,5 млн. долл. Пакистану на борьбу с наркоугрозой²⁸.

В июле 2002 г. на одобрение Конгресса США были переданы два соглашения о военных поставках США Пакистану на сумму 230 млн. долл.²⁹ В соответствии с этими соглашениями Пакистан должен был получить 7 транспортных самолетов С-1 ЗОЕ и 6 радиолокационных станций кругового обзора Aerostat. Это стало первым шагом к восстановлению военных поставок США в Пакистан. 18 декабря 2002 г. в рамках программы по обеспечению надлежащей охраны пограничных рубежей США передали Пакистану средства слежения и коммуникационное оборудование на сумму 4,5 млн. долл.³⁰ 30 июня 2002 года США объявили о своем решении поставить на вооружение Пакистана пять боевых вертолетов, три разведывательных самолета и другое военное оборудование на сумму 10 млн. долл. для усиления борьбы пакистанского правительства против терроризма³¹.

Белый дом менее критически стал оценивать соблюдение прав человека в Пакистане. Так, в докладе о ситуации с правами человека за 2001 г., подготовленном государственным департаментом и обнародованном 4 марта 2002 г., говорится, что пакистанское правитель-

ство добилось существенного прогресса в обеспечении соблюдения прав человека, включая свободу прессы³².

Новый этап тесного сотрудничества между Исламабадом и Вашингтоном не означал, однако, полного исключения проблемных вопросов из двусторонней повестки дня. После событий сентября 2001 г. США и Пакистан провели несколько раундов переговоров относительно повышения уровня безопасности и укрепления физической защиты ядерных объектов Пакистана.

В декабре 2002 г. во время визита помощника госсекретаря США по делам Южной Азии К.Рокки был поднят вопрос о возможном предоставлении Пакистаном ядерной технологии КНДР. К.Рокка также выразила озабоченность администрации США в связи с сотрудничеством между Пакистаном и КНДР в ракетной сфере. 18 декабря президент Пакистана П.Мушарраф заверил в телефонном разговоре госсекретаря США К.Пазулла в том, что Исламабад не оказывает помощи Пхеньяну в ядерной области. По итогам переговоров в Исламабаде К.Рокка подчеркнула, что США полностью удовлетворены заявлениями пакистанской стороны об отсутствии какого-либо сотрудничества или обменов с КНДР в ядерной области³³.

В конце января 2003 г. в американской прессе появились сообщения о том, что Пакистан в 1997–2002 гг. тайно поставлял Северной Корее центрифуги для обогащения урана и сведения о технологии создания ядерного оружия. Государственный департамент США заявил, что данный вопрос будет тщательно изучен, и если подобная деятельность Пакистана подтвердится, администрация США приостановит предоставление всех видов помощи (за исключением гуманитарной) этой стране³⁴.

Нажим на Мушаррафа усилился после того, как Ливия в декабре 2003 г. показала инспекторам МАГАТЭ сотни неоткрытых ящиков с деталями центрифуг, многие из которых, по некоторым сведениям, поступили сюда из Пакистана через Малайзию³⁵.

В попытке сгладить нарастающий конфликт между Исламабадом и Вашингтоном из-за возможной утечки ядерной технологии из Пакистана пакистанское руководство начало демонстративное расследование деятельности ряда своих ядерных центров. В январе 2004 г. были арестованы четверо сотрудников одного из пакистанских ядерных объектов. Они подозреваются в продаже в третьи страны технологий для обогащения урана и создания оружия массового поражения. По сведениям пакистанских спецслужб, продажа осуществлялась преимущественно в Ливию и Иран.

Параллельно продолжается сотрудничество между Пакистаном и США в проведении военной операции в Афганистане. В марте 2004 г. госсекретарь США Колин Пауэлл совершил визит в Пакистан, в ходе которого он заявил, что Соединенные Штаты готовы объявить Пакистан своим главным союзником вне НАТО³⁶. По информации сайта

ВВС News³⁷, новый статус должен прежде всего расширить сотрудничество в области безопасности между двумя странами. По этому поводу госсекретарь США провел переговоры с министром иностранных дел Пакистана Махмудом Касури.

Однако последние заявления ряда чиновников американского внешнеполитического ведомства привели к новому росту напряженности в двусторонних отношениях. По сообщению русской службы ВВС³⁸, 18 апреля 2004 г. государственный департамент США выступил с заявлением о том, что Вашингтон не планирует размещение американских войск на территории Пакистана с целью поимки боевиков «Аль-Каиды». Представитель госдепа заявил об этом в ответ на выступление американского посла в Афганистане Залмая Халилзада. Американский дипломат заявил, что если Пакистану не удастся поймать боевиков, то США придется вмешаться. Пакистан гневно отреагировал на слова посла, назвав их непозволительными.

Таким образом, все 90-е годы 20 в. характеризовались постепенным ухудшением пакистано-американских отношений и сужением сфер сотрудничества. С выводом советских войск из Афганистана, а затем и с окончанием «холодной войны» и распадом биполярной системы произошел коренной поворот в политике США в отношении Пакистана. На первый план в пакистано-американских отношениях вышли проблемы ядерного нераспространения, соблюдения прав человека, борьбы с терроризмом и строительству демократии в Пакистане. Соединенные Штаты на протяжении этих лет проводили жесткий курс в отношениях с Пакистаном по всем этим вопросам. В начале 90-х годов было введено эмбарго на предоставление военной помощи Исламабаду. После ядерных испытаний 1998 г., а затем после военного переворота 1999 г. против Пакистана были введены полномасштабные санкции. В конце 1999 г. пакистано-американские отношения достигли своей низшей отметки в 90-е годы.

Ситуация круто изменилась после террористических актов в Вашингтоне и Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. В глазах американской администрации Пакистан вернул себе статус «прифронтового государства» и стал ключевым союзником США в борьбе с международным терроризмом. С Пакистана были сняты практически все санкции, и восстановлена экономическая, а также частично военная помощь.

Несмотря на общее потепление в американо-пакистанских отношениях, на сегодняшний день обе стороны отмечают наличие серьезных противоречий, требующих пристального внимания. Американская администрация, понимая и учитывая роль, которую играет сегодня Пакистан в ее антитеррористической кампании, вместе с тем продолжает проводить достаточно жесткий курс в отношении пакистанской ядерно-ракетной программы, сотрудничества Пакистана со «страной-изгоем» в ядерной сфере, а также усиливает нажим на пакистанское руководство в вопросе борьбы с терроризмом.

Исламабад, выражая заинтересованность в укреплении отношений с Вашингтоном, понимает временность и недолговечность сегодняшнего тесного сотрудничества с США. Как видно из событий последних нескольких месяцев, старые противоречия между двумя странами вновь выходят на первый план. Понимая неустойчивость своего положения, Пакистан стремится к диверсификации своих внешних связей и укреплению отношений со странами мусульманского Востока, Китаем, который на сегодняшний день является стратегическим партнером Исламабада, и с Россией, о чем свидетельствует визит президента Пакистана Первеза Мушаррафа в Москву в феврале 2003 года. Исламабад также взял курс на расширение сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии, в том числе и в рамках Регионального Форума АСЕАН.

Таким образом, пакистано-американские отношения сохраняют неустойчивую динамику развития. При этом сохранение разногласий по ряду принципиальных проблем препятствует восстановлению былого стратегического партнерства, к чему декларативно призывает Пакистан, и на данном этапе позволяет ему в практическом плане рассчитывать только на придание стабильного характера политическому диалогу с США.

¹ Подробнее о Стратегии национальной безопасности США 1991 г. см.: National Security Strategy 1991 (www.fas.org/rnan/docs/918Q15-nss.htm)

² Она включала в себя укрепление сообщества зрелых рыночных демократий, возвращение и консолидацию молодых демократий и противодействие антидемократическим режимам с одновременной поддержкой их либерализации.

³ Поправка Пресслера, принятая в 1985 г., требовала от президента США в начале каждого финансового года подтверждать перед Конгрессом, что Пакистан не имеет ядерного оружия и помощь, предоставляемая со стороны США, существенно уменьшает риск того, что Пакистан такое оружие приобретет. В противном случае поставки вооружений из США в Пакистан должны быть прекращены.

⁴ Ядерное нераспространение. – М., 2002. Т. 1, с. 194.

⁵ Dennis Kux. *The United States and Pakistan, 1947–2000*. Washington, D.C., 2001. с. 308.

⁶ *Ibid*, с. 315.

⁷ Следует, однако, отметить, что Пакистан не прекратил оказание поддержки афганской оппозиции. С выводом советских войск из Афганистана был достигнут важный рубеж в выполнении основной стратегической задачи Пакистана. Следующей целью стал приход к власти в Афганистане дружественного Пакистану режима. Поэтому последующие пакистанские правительства (Б.Бхутто, 1988–1990 гг., и Н.Шарифа, 1990–1993 гг.) продолжали оказывать помощь афганской оппозиции.

⁸ См., например: Congressional Research Service Issue Brief. Order Code 93243. Richard P.Cronin, Barbara Leitch LePoer. *South Asia: U.S. Interests and Policy Issues*.

⁹ Администрация Буша воспользовалась тем, что в поправке Пресслера не оговаривались коммерческие сделки.

¹⁰ В ноябре 1992 г. в США состоялись президентские выборы. Победу одержал кандидат от Демократической партии – Билл Клинтон.

¹¹ Dennis Kux. *The United States and Pakistan, 1947–2000*. Washington, D.C., 2001. с. 321.

¹² КНР официально не является участником РКРТ. Однако Китай обязался соблюдать Руководящие принципы РКРТ. Вместе с тем законодательством США как страны-участницы РКРТ предусмотрено введение санкций против государства, нарушающего этот режим.

¹³ На тот момент Пакистан уже перечислил 658 млн. долларов. (Congressional Research Service Report. Order Code 95149. Richard P.Cronin. *Pakistan-U.S. Relations and Bilateral Issues*).

¹⁴ Ian Talbot. *Pakistan: A Modern History*. Lahore, 1999. с. 336.

¹⁵ Dennis Kux. *The United States and Pakistan, 1947–2000*. Washington, D.C., 2001. с. 331.

¹⁶ Подробнее см.: Dr. James Ingalls. *U.S. Foreign Policy in Afghanistan*.

¹⁷ Dennis Kux. *The United States and Pakistan, 1947–2000*. Washington, D.C., 2001. с. 336.

¹⁸ 5 ноября 1996 г. президент Пакистана Фарук Ахмад-хан Легхари отправил в отставку правительство Б.Бхутто и распустил Национальное собрание. 3 февраля 1997 года состоялись досрочные парламентские выборы. Пакистанская мусульманская лига завоевала почти две трети мест в Национальную ассамблею. Созданное по итогам выборов правительство Пакистана возглавил Миан Мухаммад Наваз Шариф.

¹⁹ Ibid, с. 345.

²⁰ Ядерное нераспространение. – М., 2002. Т. 1. с. 191.

²¹ Dennis Kux. *The United States and Pakistan, 1947–2000*. Washington, D.C., 2001. с. 349.

²² Ibidem.

²³ См., например: Congressional Research Service Issue Brief. Order Code 93243. Richard P.Cronin, Barbara Leitch LePoer. *South Asia: U.S. Interests and Policy Issues*.

²⁴ CRS Issue Brief for Congress. Order Code IB94041. K.Alan Kronstadt. *Pakistan-U.S. Relations*. Updated January 23, 2003.

²⁵ CRS Issue Brief for Congress. Order Code IB94041. Peter R.Blood. *Pakistan-U.S. Relations*. Updated March 10, 2002.

²⁶ Москаленко В.Н. Пакистан и Афганистан // Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 -июнь 2002). – М., 2002. с. 143.

²⁷ CRS Issue Brief for Congress. Order Code IB94041. K.Alan Kronstadt. *Pakistan-U.S. Relations*. Updated January 23, 2003.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Сообщение ИТАР-ТАСС от 18 декабря 2002 г.

³¹ Сообщение ИТАР-ТАСС от 30 июня 2002 г.

³² Pakistan Country Report on Human Rights Practices for 2001.

³³ Сообщение ИТАР-ТАСС от 18 декабря 2002 г.

³⁴ CRS Issue Brief for Congress. Order Code IB94041. K.Alan Kronstadt.
Pakistan-U.S. Relations. Updated January 23, 2003.

³⁵ Norm Dixon. Pakistan. How Washington helped create a nuclear rogue state
(<http://www.zmag.org/content/showarticle.cfm?SectionID=32&ItemID=4995>)

³⁶ <http://lenta.ru/world/2004/03/18/allv/>

³⁷ http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/south_asia/3522174.stm

³⁸ <http://news.gala.net/?cat=23&id=145755>

ПАКИСТАН ВО ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В 1947 г. в рамках ООН была создана Международная торговая организация (МТО). Ее созданию предшествовало предложение 50 стран о разработке Хартии МТО, но еще до ее принятия 23 страны из 50 участников переговоров, в т.ч. 11 развивающихся, среди которых был и Пакистан, начали переговоры о снижении и ликвидации таможенных тарифов и протекционистских мер. Всего было решено снизить около 45 тыс. тарифов, распространившихся на международную торговлю¹. Этот пакет договоренностей стал известен как Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ). И хотя по уставу оно носило временный характер, однако, оставалось единственным многосторонним инструментом, регламентирующим международную торговлю вплоть до 1995 г., когда была создана Всемирная торговая организация (ВТО), основанная на договоренностях ГАТТ.

За 40 лет до создания ВТО, в которую ныне входят 146 государств, многие развивающиеся страны рассчитывали на получение для себя особых условий, учитывая специфику своего колониального прошлого. Главным направлением деятельности ГАТТ, а ныне ВТО, является сочетание требования либерализации экономики, с одной стороны, и устойчивое социально-экономическое развитие, с другой. Сочетание одного требования с другим вызывало разногласия между развитыми и развивающимися странами и вынудило ГАТТ еще в 1957 г. разрешить введение временных ограничений для стран, нуждающихся в оформлении своих финансовых и экономических ресурсов. Несмотря на использование этих ограничений, развивающиеся страны, в т.ч. и Пакистан, так и не добились существенного роста экономики и повышения благосостояния народа. За чертой бедности в Пакистане продолжает жить более 1/3 населения.

Промышленно развитые страны, пользуясь своим преимущественным положением, устанавливали свой контроль над количественными ограничениями импорта, определенными ГАТТ, увязывая эти ограничения с фискальными мерами и валютным контролем. Более того, Запад, занимая главенствующие позиции в МВФ, навязывал количественные ограничения на импорт не столько подконтрольным правительствам развивающихся стран, сколько экспертам МВФ.

Еще в период существования ГАТТ Пакистан нес ущерб от навязываний ему ограничений на экспорт своих товаров на мировой ры-

нок, особенно в ЕС и США, поскольку введенная система квот ухудшала его экспортное положение. Пакистанские деловые круги вели многочисленные напряженные переговоры с ЕС, США, Канадой об увеличении квот на ввоз в них текстильных и ряда других товаров. Большим успехом считалось подписание в 1978 г. соглашения с США об экспорте пакистанского текстиля сроком на 4,5 года (с января 1978 г.). Предполагалось, что квота на 1978 г. составит 150 млн. кв. ярдов, а в последующие годы она должна была увеличиваться на 7% в год².

Введение квот повлияло на сокращение экспорта пакистанских товаров в Канаду, который за 1977 г. сократился на 33%³. Квотирование отрицательно сказывалось на торговых отношениях Пакистана со странами ЕС и особенно с Англией. Так, в 1977 г. Пакистан получил увеличенные квоты на обувь, спорттовары и некоторые виды сельскохозяйственной продукции. Однако регламентация ввоза серьезно влияла на структуру экспорта в страны ЕС и вызывала постоянное недовольство пакистанских деловых кругов.

В 80-е годы Пакистан заключал, как было предписано документами ГАТТ, как многосторонние, так и двусторонние соглашения, а также соглашения по отдельным видам продукции с ЕС, особенно по текстилю.

Вместе с тем после подписания Брюссельского соглашения 1976 г., Пакистан стал пользоваться наряду со странами Африки, некоторыми государствами Азии, бассейна Карибского моря и Тихого Океана системой преференций⁴. Однако в силу ряда технических обстоятельств он не всегда использовал выделяемые квоты. Особенно это касалось малых стран-членов ЕС, рынки которых были недостаточно изучены и освоены пакистанскими экспортёрами.

Таким образом, к моменту образования ВТО Пакистан испытывал на себе все положительные и отрицательные (коих было больше!) последствия вырабатываемых ГАТТ ограничений для развивающихся стран и, в частности, пытался преодолеть многочисленные торговые барьеры, которые Запад воздвигал перед экспортом традиционных и промышленных товаров.

В 1995 г. в ходе Уругвайского раунда переговоров была создана Всемирная торговая организация (ВТО), цель которой заключалась в построении интегрированной мировой экономики, налаживании организованного производства и обмена товарами и услугами. Новая организация унаследовала задачи, стоявшие перед ГАТТ, а именно: «повышение уровня жизни, обеспечение полной занятости и неуклонный рост доходов, более эффективное использование ресурсов планеты в процессе устойчивого роста, обеспечивающего сохранение природной среды обитания и жизнедеятельности человечества»⁵.

Эти вполне благородные цели сразу столкнулись с политикой развитых стран в отношении допуска на рынок развивающихся государств, которая определяется принципами протекционизма и дискриминации. Испытал это на себе и Пакистан.

По структуре экспорт из Пакистана носит ограниченный характер. Так, в 2001–02 гг. 5 главных товаров – хлопок и изделия из него, кожа, рис, синтетический текстиль и спорттовары составляли 79% всего экспорта, при этом хлопковая группа давала 59,4% всего объема экспорта, кожа – 6,8%, рис – 4,9%, синтетический текстиль – 4,5%. По стоимости вывоз 4 товарных групп (без спорттоваров) составляет 75,6% всех экспортных поступлений⁶.

Столь ограниченная номенклатура главных экспортных товаров, а именно эти товары подпадают под действие западных ограничений – снижение субсидий, квотирование, различного рода торговые барьеры, – крайне негативно сказывается на доходах от экспорта и на общем экономическом положении страны. Еще до создания ВТО западные страны и США ввели протекционистские нормативы в торговле тканями и одеждой, которые противоречили идее свободной торговли. Впоследствии ГАТТ, по существу, стала практически полностью игнорировать принцип наибольшего благоприятствования как основной принцип либерализации торговли.

Почти 40 лет мировая текстильная промышленность и экспорт ее продукции регулировались различными торговыми соглашениями: в 1961 г. было принято Краткосрочное соглашение по хлопку, затем с 1962 по 1973 гг. Долгосрочное соглашение, а с 1974 по 1994 гг. Соглашение по изделиям из различных видов волокон (МФА). В течение всего этого периода экспорт сначала изделий из хлопка, а позже из синтетического волокна и шерсти, а с 1986 г. – изделий практически из любых волокон был ограничен квотами, вводимыми на двусторонней основе. Развитые страны сосредоточили максимальный контроль за производством текстиля в своих руках. До мая 2003 г. распределение 92% квот в США и 76% ЕС находилось в их руках⁷.

С 1 января 2005 г. намечаются значительные льготы в системе квотирования, а по существу, наступает эра свободной конкуренции на мировом рынке текстиля. Пакистанские экспортеры и производители не выработали еще четкого отношения к этому событию. Одни считают, что Пакистан выиграет, завоевав новые рынки сбыта и увеличив вывоз текстиля. Другие, наоборот, полагают, что свободная конкуренция потребует выработки новой стратегии, увеличения номенклатуры, а главное – улучшения качества продукции. Ведь по подсчетам пакистанских экономистов, из-за низкого качества продукции и различного рода потерь страна недополучает ежегодно около 450 млрд. рупий⁸.

Как изменится ситуация для пакистанской текстильной промышленности после 1 января 2005 г.? Исторически сложилось так, что эта отрасль была достаточно прочно и на длительные периоды защищена от конкуренции. Это приводило к тому, что качество продукции улучшалось крайне медленно. Основным потребителем низкосортной продукции был емкий внутренний рынок. Торговая политика правящих

режимов косвенно защищала неэффективных и слабых производителей, выделяя им квоты на экспорт, и не способствовала их стремлению увеличивать добавленную стоимость в структуре цен. Экспортеры боролись не столько за улучшение качества, сколько за размеры квот.

В то же время пакистанские производители и экспортеры практически никогда не использовали полностью выделенные им квоты. В среднем 25% квот оставались неиспользованными. В 2001–2002 гг. процент использования квот составил для США 84 и 85%, ЕС – 78 и 76%, а в среднем – 75 и 74%. Объем неиспользованных квот составил 1147 млн. кв. м, а по стоимости – 600 млн. долл.⁹

Еще одним инструментом, который применяют развитые страны, являются антидемпинговые меры, блокирующие экспорт развивающихся государств. Пакистанские ткани для постельного белья неоднократно попадали под антидемпинговые меры. Вот и в декабре 2003 г. министр торговли Пакистана ездил в Брюссель для выяснения, будут ли введены с марта 2004 г. антидемпинговые пошлины в размере 14,1% на ткани для постельного белья, о которых заявил европейский комиссар по торговле в ноябре 2003 г.

Представители бизнеса и Всепакистанской ассоциации текстильных фабрик предложили привлечь самых авторитетных лиц, вплоть до президента П.Мушаррафа, для проведения переговоров с ЕС о снятии пошлин с тканей на постельное белье и рис басмати, ибо очевидной целью введения этих пошлин является «вытеснение средних и мелких экспортеров с рынков ЕС»¹⁰. Однако ряд стран – Италия, Франция, Испания, Португалия и некоторые другие – выступают за введение пошлин на пакистанские ткани для постельного белья. В случае же отказа от введения пошлин Пакистан получит возможность экспортировать до 60 тыс. т текстиля¹¹.

Представители названной ассоциации заявляют, что «региональные и двусторонние торговые соглашения могут стать еще одним барьером для пакистанских экспортеров, поскольку члены торгового соглашения имеют доступ на эти рынки с более низкими пошлинами. Пакистан входит в четверку стран мира (Афганистан, Монголия и Исландия), которые не заключали каких-либо соглашений о свободной торговле. Любое такое соглашение потребует 5–7 подготовительных лет, прежде чем начнет действовать. Предполагаемое соглашение о свободной торговле между Шри Ланка и Пакистаном начнет действовать в 2007 г. в случае его заключения сейчас (в 2003 г.)»¹².

Пакистан сделал свою экономику открытой в соответствии с требованиями ВТО, а текстильный сектор готов увеличить свою рыночную долю, когда режим текстильных квот перестанет действовать¹³.

Пакистанские власти настолько серьезно относятся к ВТО, что решили создать отряд особого назначения (Task Force) из числа парламентариев для исследования политики ВТО и представления рекомендаций по вопросам сельского хозяйства, несельскохозяйственно-

го сектора и сферы услуг, что позволило бы «идти в ногу с требованиями ВТО»¹⁴.

Ведь Пакистан – страна аграрно-индустриальная, где роль сельского хозяйства достаточно велика. В сельском хозяйстве занято 48,4% всей рабочей силы, и из 149 млн. человек всех жителей 67,5% составляет сельское население. Доля сельского хозяйства в ВВП превышает 24%¹⁵. В связи с этим очень важным кажется устранение протекционистской практики промышленно развитых стран и облегчение доступа на рынок Пакистана продукции сельского хозяйства, с одной стороны, и вывоза его продукции, с другой.

Еще в период действия ГАТТ, а затем и ВТО, сельское производство пользовалось рядом льгот, включавших субсидирование и квотирование экспорта. Однако еще в 1958 г. ГАТТ признало, что «протекционистские меры – высокие импортные пошлины и экспортные субсидии – оказывают серьезное влияние на сельскохозяйственный сектор, деформируя международную торговлю его продукцией, порождая перепроизводство и демпинг»¹⁶.

В 1995 г., в преддверии Уругвайского раунда, 15 стран создали комиссию по проблемам сельского хозяйства, целью работы которой было уменьшение субсидирования сельскохозяйственного производства и экспорта развитых стран и принятие соглашения по сельскому хозяйству с шестилетним переходным периодом для развитых и десятилетним для развивающихся стран, начиная с 1995 г., и доведение ставки пошлин для первых до 36% и до 24% для вторых за указанные периоды. И хотя в соглашении намечались крайне важные для развивающихся стран меры, как то: поддержка внутреннего производства, допуск на рынок, продовольственная безопасность и т.д., их реализация оказалась далека от выполнения. Ставки пошлин на ряд сельскохозяйственных товаров развитых стран остаются выше тарифного эквивалента всех таможенных мер, которые применялись в 1986–1988 гг. По рису наивысший уровень пошлин для некоторых стран-экспортеров составлял до 207%. Пакистан и ныне испытывает давление со стороны ВТО и МВФ при поставках основных сельскохозяйственных продуктов на экспорт. Ноябрьское заявление (2003 г.) ЕС о введении антидемпинговых пошлин на пакистанский текстиль для постельного белья и рис басмати вызвало недоумение у деловых кругов, которые считают, что эти меры имеют целью внести сумятицу в экономику Пакистана, основанную на экспорте текстиля и сельскохозяйственных товаров¹⁷.

Ранее принятое решение ЕС, начавшее действовать с 1 января 2004 г., предполагало введение импортной пошлины в размере 250 евро за 1 т высшего сорта риса – басмати, что делает пакистанский рис менее конкурентоспособным по сравнению с рисом, поступающим из других стран. А ведь именно в страны ЕС в 2002–2003 г. экспортировалось риса на 53 млн. долл.¹⁸

Помимо антидемпинговых мер, ЕС проводит протекционистскую политику в отношении своего сельскохозяйственного сектора и вводит ограничения вплоть до запрета на импорт ряда продуктов. Так, ЕС запретил ввоз пакистанских морепродуктов, т.к. экспортеры просили правительство предоставить им субсидии, против которых выступает ЕС¹⁹.

ВТО проводит политику сокращения субсидий на сельхозпродукты, но делает это гораздо активнее в отношении развивающихся стран. Пакистану потребовалось много усилий, чтобы постепенно сокращать субсидии на удобрения, а ныне и на пшеницу. Наивно полагать, чтобы правительства повсеместно и сразу отказались от сельскохозяйственных субсидий. Либерализация аграрного сектора развивающихся стран сама по себе не обеспечивает улучшения жизни населения, особенно занятого в этом секторе. Поэтому необходимо принять радикальные меры, которые обеспечивали бы продовольственную безопасность многих развивающихся стран. Но ее обеспечение – вопрос открытый, ибо даже при избытке сельхозпродукции на рынках многие страны просто не имеют средств на их закупку.

В основополагающих документах ВТО вступление в нее и практика деятельности государств-членов обусловлены рядом требований, таких как внедрение международных стандартов качества экспортных товаров, что позволило бы не только облегчить их выход на мировой рынок, но и сохранить здоровье и жизнь обитателей планеты.

В рамках ВТО и на фоне усиливающейся глобализации большое внимание уделяется свободе переноса технологий, капиталов и квалифицированной рабочей силы. Эти проблемы нашли свое отражение в Генеральном соглашении о торговле услугами (ГАТС), заключенном во время Уругвайского раунда переговоров. Многие развивающиеся страны, в т.ч. и Пакистан, присоединились к этому соглашению, ибо оно дает возможность облегчить право на открытие конкретных рынков услуг.

Провал Канкунской конференции (Мексика), основной причиной которого явился неурегулированный вопрос о сельскохозяйственных субсидиях, а также проблема конкуренции, инвестиций и обеспечения прозрачности торговли, сильно затруднил достижение соглашения между развитыми и развивающимися странами и создал серьезные трудности в мировой торговле.

Пакистан готовится к новым правилам деятельности ВТО с 2005 г. Чтобы упрочить положение с текстильной продукцией, особое внимание уделяется качеству хлопка-сырца и ввозу и производству современного текстильного оборудования, чтобы, когда будут отменены квоты, Пакистан повысил свою конкурентоспособность. В других областях страна также предпринимает соответствующие усилия, поскольку до сих пор «пакистанский экспорт все больше и больше зависит от некачественных технологий. Эту тенденцию необходимо преодолеть»²⁰.

- ¹ Pakistan Observer, 3.10.2003; The Herald, February 2004.
- ² Pakistan Times, 15.10.1977.
- ³ Pakistan Economist, 14.03.1978.
- ⁴ Pakistan Development Review, 1976, № 1.
- ⁵ МЭ и МО. 2003, № 6, с. 5.
- ⁶ Pakistan Economic Survey 2002–03, с. 132.
- ⁷ The News, 2003, September.
- ⁸ The News, 3.10.2003; Dawn. 22–28.09.2003.
- ⁹ Dawn, 22–28.09.2003.
- ¹⁰ The News, 18.12.2003.
- ¹¹ Dawn, 21.12.2003, The News, 18.12.2003; 5.12.2003.
- ¹² The Nation, 11.02.2003.
- ¹³ The Nation, 19.09.2003; 11.02.2003.
- ¹⁴ The Nation, 19.09.2003.
- ¹⁵ Pakistan Economic Survey 2002–03, с. 13.
- ¹⁶ МЭ и МО, 2003, № 6, с. 8.
- ¹⁷ Pakistan Observer, 16.12.2003.
- ¹⁸ Dawn, 18.12.2003.
- ¹⁹ The News, 15.12.2003.
- ²⁰ The Herald, February 2004.

**СЕЛЬСКОЕ РАЗВИТИЕ ПАКИСТАНА:
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ И ГЛАВНЫЕ ДОНОРЫ**

В качестве суверенного государства на политической карте мира Пакистан существует с августа 1947 г. Однако, получив политическую независимость от Британской Индии, государство так и не смогло добиться полной экономической независимости от Запада, несмотря на четко обозначенные цели стратегического развития и социально-экономические реформы, проводимые всеми пакистанскими правительствами. На протяжении почти шести десятилетий пакистанская экономика развивалась и продолжает развиваться при широкой поддержке ведущих международных организаций и западных стран – в форме продовольственной помощи, финансовых займов, равно как и даров, грантов и безвозмездных субсидий, в том числе и со стороны неправительственных организаций. Главными финансовыми донорами Пакистана традиционно выступают МБРР, МАР, МВФ, США и страны ЕС. Кроме того, большое значение для социально-экономического развития Пакистана имеет помощь, оказываемая Азиатским банком развития (АБР), Японией и Кувейтом.

В целом на протяжении всего периода независимого существования Пакистана происходил неуклонный рост международной помощи этой развивающейся стране, и в то же время наблюдалось видоизменение ее форм, методов и целевых направлений¹. Особенно четко динамика иностранной помощи прослеживается по пятилетним планам, начиная с 1955 г., поскольку в первое десятилетие независимого развития Пакистан получал в основном помощь продовольствием со стороны США (с 1954 г. – в рамках Закона 480 о сельскохозяйственной помощи развивающимся странам).

Одновременно происходило постепенное увеличение доли займов при сокращении удельного веса даров и, как следствие, неуклонный рост внешнего долга Пакистана. Так, доля даров и грантов в общей структуре помощи в первом пятилетнем плане (1955–1960 гг.) составляла 80%, однако в течение второй пятилетки (1960–1965 гг.) она сократилась до 46% и продолжала падать до 31% в третьей пятилетке (1965–1970 гг.) и до 10% в четвертой пятилетке (1970–1975 гг.). В последующие годы доля даров возросла более чем вдвое – до 22% в течение пятой пятилетки (1978–1983 гг.) и оставалась примерно такой же в годы шестой пятилетки (1983–1988 гг.).

Широко известно, что подобный рост был связан в основном с войной в Афганистане и, как следствие, с массовой помощью афганским беженцам, размещенным на пакистанской территории. Естественно, что после вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. доля даров вновь стала падать, составив 16% в течение седьмой пятилетки (1988–1993 гг.) и лишь 9% в последующие годы (1993–1998 гг.). Затем она вновь поднялась до 15% в 1998–99 финансовом году и далее до 18% в 1999–2000 ф.г.² Данная тенденция была обусловлена не столько увеличением безвозмездной помощи, сколько резким сокращением всей финансовой подпитки после ядерных испытаний, произведенных Пакистаном весной 1998 г.

Позже вследствие экономических санкций против Пакистана вновь начала прослеживаться тенденция сокращения доли даров – до 4% в 2000–01 ф.г. Однако наступило 11 сентября 2001 г., после которого Пакистан сумел выступить в качестве активного члена антиталибской коалиции, переменяя тем самым отношение к себе со стороны главных финансовых доноров и инвесторов. В 2001–02 ф.г. доля даров составила 31%, в 2002–03 – 15%³, вернувшись на уровень относительно стабильных 90-х годов.

Параллельно наблюдались изменения в целевой направленности выделяемой Пакистану помощи – от прямых поставок продовольствия в 50-е годы к широкой технико-экономической помощи в 60-е, поддержке сельского хозяйства в рамках внедрения достижений «зеленой революции» в 70-е, военному сотрудничеству и помощи афганским беженцам в 80-е годы, повышенному вниманию к промышленной и транспортной инфраструктуре в 90-е годы и, наконец, начиная со второй половины 90-х – к социальной сфере (медицина, образование, борьба с бедностью) и проблемам экологии в рамках глобальной концепции устойчивого развития.

Пожалуй, единственными сферами пакистанской экономики, получавшими финансовую помощь со стороны Запада на протяжении всего независимого развития страны, были (и по-прежнему являются) лишь два направления – это энергетика и так называемое сельское развитие. Анализ энергетики, самостоятельной и наиболее динамично развивающейся в последние годы отрасли экономики, не входит в рамки данной работы. Отметим лишь, что начиная с 80-х годов она традиционно является сферой вложения государственных и частных инвестиций, нацеленных в основном на разработку проектов и строительство гидротехнических сооружений. В настоящее время главными иностранными инвесторами в энергетическом секторе выступают Великобритания, Китай и Япония, однако в этой стратегической отрасли имеются перспективы для дальнейшего расширения взаимовыгодного сотрудничества, в частности с российской гидроэнергетикой.

Что же касается помощи сельскому развитию Пакистана, то здесь можно проследить другие тенденции – от широкомасштабных

программ при финансовой поддержке Запада, охватывавших весь Пакистан в 60–70-е годы, к целевым программам по развитию транспортной системы и социальной инфраструктуры в сельской местности в 80–90-е, которые в конце 90-х сменились включением сельского развития в программы борьбы с бедностью.

В последние годы все большее внимание со стороны иностранных доноров отводится конкретным программам локального развития отдельных отсталых сельских районов, в то время как помощь сельскому Пакистану на макроэкономическом уровне постепенно сокращается. Причина связана с неэффективностью экономической политики государства и массовой коррупцией (по этим показателям Пакистан не является уникальным государством) – далеко не вся выделяемая спонсорами помощь может дойти непосредственно до сельских жителей. В этой связи все большее значение для сельского развития приобретают относительно небольшие по своему объему спонсорские подпитки отдельных стран (например, Японии, Кувейта и Канады), а также частных благотворительных организаций (в первую очередь, со стороны Фонда Ага-хана), в то время как доля международных спонсоров постепенно сокращается. Как правило, функции последних все больше ограничиваются теоретическими рекомендациями (по аналогии с началом 60-х гг.) и критическим анализом экономического развития Пакистана (в основном в зеркале изменений в региональной и глобальной политике).

Как уже было отмечено, первые крупные вливания в сельское развитие Пакистана начались в годы первых пятилеток, причем все они разрабатывались и проводились в основном по инициативе и рекомендациям самих западных доноров. Вскоре после обретения Пакистаном независимости была разработана и в 1953 г. принята к реализации программа «Сельскохозяйственное и промышленное развитие деревни» (Village – Agricultural and Industrial Development, V-AID), опиравшаяся на традиции в общинном развитии деревни. Основание для V-AID было заложено еще в 20–30-е годы деятельностью чиновника британской колониальной службы Р.Л.Брайана, подготовившего программу по повышению занятости, улучшению бытовых условий, поднятию культурного уровня сельского населения⁴. Целями программы V-AID стали: увеличение занятости и доходов сельского населения путем развития кустарных промыслов; строительство в сельской местности школ, больниц, ветеринарных станций; расширение системы водоснабжения; развитие сельскохозяйственной кооперации. Программа в определенной мере выполнялась только в первые годы после ее провозглашения. К концу 50-х годов всякая деятельность в этом направлении в большинстве сельских районов была приостановлена, и в 1962 г. она была официально отменена администрацией М.Айюб-хана. К 1962 г., согласно программе V-AID, были проведены лишь мероприятия, ограниченные в основном строитель-

ными работами в ряде районов Панджаба и Синда. Это было вызвано отсутствием координации между различными административными звеньями и плановыми организациями, ответственными за ее реализацию, а также нехваткой финансовых средств, в том числе и в виде иностранной помощи.

Однако правительство ощущало необходимость в реализации подобных мероприятий, и в 1963–64 ф.г. была разработана Программа сельских работ (Rural Works Programme, RWP) для Западного Пакистана. Первоначально, в 1962–63 ф.г. аналогичная программа была введена в Восточном Пакистане.

Программа сельских работ унаследовала основные направления своей предшественницы; но центральное место в процессе ее осуществления заняло, безусловно, сооружение объектов инфраструктуры. Строились ирригационные объекты, дороги, мосты, рыночные и складские помещения, в меньшей степени – больницы и школы. Опыт реализации программы в Восточном Пакистане наглядно показал, что в ходе эксперимента в округе Комилла больше других выиграли те хозяйства, которые и до введения программы уже имели товарные излишки и работали на рынок. Правда, вследствие общей отсталости и бедности бенгальской деревни этот результат проявлялся постепенно и стал особенно заметен уже после образования Бангладеш⁵.

В Западном Пакистане программа, с точки зрения ее авторов, имела менее важное значение и получила соответственно меньшее распространение. Это подтверждается данными о финансовом обеспечении программы: по второму пятилетнему плану на нее было ассигновано 800 млн. рупий, из них 550 млн. рупий приходилось на долю Восточного Пакистана и только 250 млн. рупий – Западного; из 1800 млн. рупий, ассигнованных по третьему плану, Восточному Пакистану выделялось 1200 млн. рупий, в то время как Западному – вдвое меньше⁶. Подобные диспропорции в финансировании объяснялись тем, что в Восточном Пакистане программа должна была помочь «вырасти» средним фермерам; на западе страны, где на роль лидеров товарного производства проектировались крупные собственники, получавшие помощь от государства в виде поставок субсидируемой техники, программа становилась чем-то второстепенным. Характерна в этом отношении и динамика реализации программы. В рамках второго пятилетнего плана она выполнялась довольно интенсивно. В годы третьего пятилетнего плана, совпавшего с развертыванием «зеленой революции», RWP все больше теряла свое значение для властей; в итоге из ассигнованных на нее 600 млн. рупий было освоено менее половины – 280 млн.⁷ По четвертому плану программу вообще намечалось фактически свернуть – ассигнования на нее за 1970–1975 гг. должны были составить только 100 млн. рупий. Помимо падения интереса режима к программе следует в этой связи отметить и внешнеполитический фактор – политику свертывания иностранной помо-

щи, поскольку с самого начала основная часть ассигнований на осуществление программы выделялась США, согласно Закону 480.

На смену Программе сельских работ, проводимой в основном в Восточном Пакистане, в 1972 г. правительством З.А.Бхутто были выдвинуты две аналогичные программы, нацеленные на расширение социальной базы «зеленой революции» – Комплексная программа развития деревни (Integrated Rural Development Programme, IRDP) и Программа народных работ (Peoples Works Programme).

Целью IRDP провозглашалось «улучшение условий жизни и социального статуса сельского населения путем объединения усилий жителей деревни с усилиями правительства и частных предпринимателей»⁸. Программа намечала предпочтительное развитие трудоемких отраслей, внедрение современных технологий, развитие в сельской местности мелкой и кустарной промышленности, транспортной сети. Финансирование программы осуществлялось за счет привлечения ресурсов частного сектора, а также финансовой помощи государства, которая была направлена на ключевые проекты. Чтобы избежать распыления средств, отпускаемых на развитие деревни, и в то же время максимально использовать местные ресурсы, программа предусматривала создание особых центров развития – «марказов» (обычно мелкий населенный пункт городского типа или большое село). К июню 1978 г. в Пакистане было создано 137 из 700 намеченных «марказов». Общезапланированные ассигнования за 1972–1978 гг. должны были составить 194,2 млн. рупий, из них к началу 1977 г. было реализовано 145,6 млн.⁹ Но только 34 «марказа» проявили некоторую активность по тем направлениям, которые были предписаны Комплексной программой, и лишь три из них добились подлинно значительных успехов в реализации положений программы¹⁰.

Как уже было отмечено, в 1972 г. была принята Программа народных работ (PWP). За ее выполнение также отвечали «марказы», и в этой деятельности они добились, пожалуй, наибольших успехов. Преследуя во многом те же задачи, что и аналогичная программа 60-х годов, она заметно отличалась от своей предшественницы. Основной акцент делался на развитии производственной инфраструктуры, почвенной реclamation. Работы велись по принципу трехстороннего сотрудничества: государство выделяло средства, «марказы» – технику и специалистов для руководства, деревня – незанятую рабочую силу, получавшую вознаграждение за труд. Всего в рамках программы за 1972–1978 гг. было намечено освоить 1046 млн. рупий. К 1979 г. было израсходовано 979,9 млн. рупий (более 93%), из них в Панджабе – 64,3%, в Синде – 15,2%, в Северо-Западной пограничной провинции – 6,7%, в Белуджистане – 5% и примерно по 4% в Азад Кашмире и районе племен¹¹. Следовательно, традиционно основные ассигнования доставались наиболее развитым сельским районам.

Основными международными донорами, оказывавшими помощь сельскому развитию Пакистана (в частности, программам RWP, IRDP и PWP) в 1965–1985 гг. выступали МБРР и его филиал Международная Ассоциация развития (МАР), выделившие на льготных условиях специально для Банка сельскохозяйственного развития Пакистана соответственно один и пять кредитов на общую сумму 155 млн. долларов¹².

В целом во время правления М.Зия-уль-Хака (1977–1988) целевые программы сельского развития касались транспортной инфраструктуры и ирригационной системы – именно они получали основную международную помощь со стороны ведущих доноров. И именно в эти годы значительно активизировал свою деятельность Азиатский банк развития (АБР).

Первый льготный кредит со стороны АБР был выделен Банку сельскохозяйственного развития Пакистана еще в 1970 г., однако он был направлен не на сельское развитие, а на становление морского рыболовства. Первый кредит на сельское развитие, точнее – на развитие пакистанского агропромышленного комплекса, АБР выделил в 1982 г. – 50 млн. долларов¹³.

В середине 80-х годов АБР провел большие исследовательские работы в Пакистане, в результате которых был опубликован доклад «Стратегии экономического роста и развития: роль Банка в Пакистане», определивший главные направления работы Банка в сельском Пакистане¹⁴. Стратегия АБР предполагала помощь в увеличении продуктивности земледелия, повышении урожая основных продовольственных культур наряду с диверсификацией и поддержкой второстепенных культур в более отдаленной перспективе. Доклад также включал такие направления поддержки, как модернизация и эксплуатация существующей ирригационной системы, управление водным хозяйством в сельской местности, развитие рыночной сети, сельскохозяйственные исследования и проблемы кредитования фермеров, агропромышленный комплекс и налаживание транспортной инфраструктуры (развитие системы дорог по принципу farm-to-market или «от поля к рынку»). К 31 декабря 1985 г. АБР выделил Пакистану 2684 млн. долл. – 57% из специальных концессионных резервных фондов и 47% из основных фондов Банка¹⁵.

С середины 80-х годов главным направлением финансовой помощи АБР Пакистану все больше становится транспортная инфраструктура в сельской местности. В январе 1986 г. Банк подписал соглашение с правительством Пакистана о выделении льготных кредитов на строительство 800 км дорог по системе «от поля к рынку» в 12 округах Пакистана, в основном в СЗПП и Белуджистане. Общая стоимость проекта оценивалась в 704 млн. рупий, включая вклад АБР в размере 480 млн. рупий в форме беспроцентного кредита. Проект стартовал в начале 1987 г. и был практически завершен к июню 1991 г.¹⁶

Вторая стадия проекта АБР включала реконструкцию и строительство 2000 км дорог в 20 округах Синда, СЗПП и Белуджистана. Новые дороги должны были присоединиться к 800 км уже построенным в течение первой стадии. Реализация проекта была рассчитана на 60 месяцев и должна была быть завершена к декабрю 1993 г.¹⁷

Параллельно АБР с середины 80-х годов активно участвовал в различных совместных проектах по развитию сельского Пакистана. Так, например, совместно с МБРР и Международным Фондом сельскохозяйственного развития (МФСР) он оказывал поддержку проекту по развитию скважинной ирригации в засушливых районах Синда (так называемые земли *бараны*), проекту по управлению водным хозяйством в сельском Пакистане, а также в локальном проекте по сельскому развитию округа Гуджранвала в Панджабе. Последний проект был нацелен на развитие системы финансовой помощи мелким фермерам посредством создания институтов кредитования по линии Банка сельскохозяйственного развития Пакистана.

МФСР, со своей стороны, параллельно разрабатывал проект сельского развития округа Читрал в СЗПП. В своих рекомендациях Банку сельскохозяйственного развития Пакистана организация отмечала необходимость направления основных потоков финансовой помощи «в самые бедные районы, где проживает сельское население страны»¹⁸.

В апреле 1988 г. при поддержке МБРР и МАР была разработана комплексная программа сельского водоснабжения, охватывавшая весь Пакистан, а также специальные программы, подготовленные провинциями по Синду, Белуджистану и Азад Кашмиру. Общая стоимость ассигнований оценивалась в 4530 млн. рупий, МАР выделял заем на 132,0 млн. долл. Проект планировалось осуществить в течение 1990–1998 гг., в цели реализации входило развитие водных ресурсов, создание усовершенствованной системы водоснабжения и дренажа, восстановление и модификация существующих систем водоснабжения и канализации¹⁹.

Аналогичной проблеме (водоснабжение и канализация в сельской местности) был посвящен проект ЮНИСЕФ, который был рассчитан на 1988–1992 гг., должен был охватить более 40 тысяч сельских домовладений и оценивался в 15,56 млн. долл.²⁰

При поддержке Дании в 1988 г. была разработана программа по строительству системы водоснабжения в сельских районах Белуджистана. Общая стоимость проекта оценивалась в 76,09 млн. рупий, из которых дар датского правительства составил 68,01 млн. рупий, а 8,08 млн. выделялось правительством Белуджистана²¹.

В июне 1987 г. было подписано соглашение с ЮСАИД о строительстве и реконструкции существующих дорог во всех округах Синда. Протяженность дорог составляла 1300 км. Стоимость проекта оценивалась в 995,59 млн. рупий. Из этой суммы 731 млн. (43 млн. долл.)

выделялось ЮСАИД в качестве дара, остальные 264,59 млн. рупий (15,56 млн. долларов) финансировались пакистанским правительством. Реализация стартовала в феврале 1988 г., завершение планировалось на декабрь 1994 г.²²

В целом в 80-е годы в международной помощи сельскому развитию наметились четкие тенденции: при увеличении общего объема финансовой поддержки, как в форме даров, так и льготных кредитов, усиленная направленность на развитие инфраструктуры. Что касается адресности выделяемой Пакистану помощи, то от высокоразвитых районов Панджаба и Синда, где преобладало орошаемое земледелие и где в 70-е годы делалась ставка на успехи «зеленой революции», помощь все больше перемещалась в отсталые районы СЗПП и Белуджистана. Естественно, что все совместные программы, равно как и стратегические проекты и рекомендации международных организаций выдвигались на основе концепций о необходимости подъема отсталых районов и сокращения региональных диспропорций в экономике страны. Вместе с тем нельзя забывать и о геополитической стратегии этих программ, ибо развитие транспортной инфраструктуры (а по сути, начало ее строительства) все больше подтягивалось к пакистанским границам с Афганистаном и Ираном.

В этой связи, на наш взгляд, особый интерес представляет Специальный план развития Белуджистана, разработанный правительством М.Зия-уль-Хака в августе 1980 г., который был рассчитан в основном на финансовую и экономическую помощь извне. В целом программа, осуществление которой планировалось на 4 года, оценивалась в 111392 млн. рупий. Из общей суммы иностранные инвестиции должны были составить 4658 млн. рупий или 24%. Наибольшие ассигнования, как государственные, так и иностранные, направлялись в транспортную структуру (9634,74 млн. рупий), добывающую промышленность (5550,0 млн.), водное хозяйство (1590,1 млн.) и энергетику (1209,23 млн. рупий)²³.

Главными инвесторами программы предполагались МБРР и США. В декабре 1980 г. во время своего визита в США Зия-уль-Хак представил Специальный план на рассмотрение комиссии МБРР, однако перспективы основных предусмотренных планом проектов оставались неопределенными и не фигурировали в бюджетах Исламабада вплоть до лета 1982 г. На специальном заседании комиссии МБРР и МВФ в декабре 1980 г. необходимость поддержки Плана была подчеркнута представителями США, однако они при этом акцентировали в основном необходимость помощи афганским беженцам.

В 1981 г. были достигнуты определенные успехи по привлечению иностранной помощи для осуществления Специального плана из Кувейта, Великобритании, ФРГ и Японии. Так, Кувейт постановил выделить 130,2 млн. рупий на программу сельской электрификации в Белуджистане, согласно которой электричеством должны были быть

охлажены 300 деревень, а также 140,3 млн. рупий на строительство водохозяйственных объектов. Великобритания согласилась ассигновать 80 млн. рупий на строительство ирригационной системы в округах Зхоб, Суй и Заарат²⁴.

В марте 1982 г. было заключено соглашение с МБРР и МАР о выделении Пакистану беспроцентного кредита на 85 млн. долл. (40 млн. – МАР и 45 млн. – МБРР) для развития ирригационной системы во всех провинциях, в том числе и малой ирригации и разведки подземных водных запасов в Белуджистане. На практике специальные ассигнования для развития Белуджистана выделены не были, а общие инвестиции МАР на ирригационную систему всего Пакистана не превысили 15 млн. долл.²⁵

Одновременно была разработана специальная программа, направленная на развитие животноводства в Белуджистане, общей стоимостью в 184,4 млн. рупий. Программа предусматривала строительство животноводческих комплексов в Кветте, Пишине, Зхобе и Лоралаи. Внешняя финансовая помощь должна была поступать со стороны ЕЭС (87 млн. рупий) и АБР (75 млн. рупий), остальная часть обеспечивалась провинциальным правительством²⁶.

В июне 1982 г. при утверждении годового плана развития Белуджистана на 1982–83 ф.г. был впервые официально упомянут Специальный план развития провинции. Общие ассигнования федерального правительства на реализацию Специального плана должны были составить 860 млн. рупий (в дополнение к 600 млн. рупий из провинциального бюджета), из которых 710 млн. рупий или 82,5% планировалось получить за счет международной помощи²⁷.

Общая сумма международной помощи пакистанскому Белуджистану по упомянутым выше соглашениям составила около 750 млн. рупий, но она должна была предоставляться поэтапно в течение четырех лет, а за этот период Пакистан намеревался получить уже 4658 млн. рупий (в рамках Специального плана). Однако, видимо, Пакистан несколько переоценил свое стратегическое значение для зарубежных доноров, а потому их вложения в социально-экономическое развитие Белуджистана оказались значительно ниже.

В период нахождения у власти гражданских правительств Б.Бхутто и Н.Шарифа был взят курс на крупные займы и инвестиции при условии выполнения рекомендаций со стороны МБРР и МВФ (по сути, на увеличение внешнего долга). В то же время значение сельского развития страны заметно снизилось – это касалось как экономической стратегии государства, так и позиции главных международных доноров. В рамках выполнения восьмого пятилетнего плана (1993–1998 гг.) на смену программам сельского развития пришли так называемые Программы социального действия (Social Action Programmes, SAP). Первая из них – SAP-I, была рассчитана на 1993–1996 гг., вторая – SAP-II на 1996–2000 гг.²⁸ Финансирование программ планировалось за

счет федерального бюджета, провинциальных правительств и международной помощи. Однако именно вследствие трудностей в получении иностранной помощи (особенно после ядерных испытаний Пакистана в мае 1998 г.) практическое осуществление программ значительно отставало от запланированных рубежей и фактически не было доведено до конца.

Так, например, общие ассигнования на SAP-I составили 106,4 млрд. рупий (83,4% от запланированных); помощь иностранных доноров оценивалась в 13 млрд. рупий по сравнению с 28 млрд. рупий, включенными в план²⁹. Общие расходы на SAP-II за 1997–2002 гг. должны были составить 498,8 млрд. рупий, включая помощь доноров в размере 101,0 млрд. рупий (20,2%). Однако размер внешней помощи вновь оказался значительно ниже запланированного уровня. По официальным данным, в 1999–2000 ф.г. государством было выделено 59,4 млрд. рупий (83,3%), донорская подпитка составила лишь 7,9 млрд. рупий (11,7%)³⁰. Главными донорами этих программ выступали МАР, Великобритания, Нидерланды, ЮНИСЕФ, ЕС. В отличие от проектов 80-х годов, нацеленных на развитие отсталых районов Белуджистана и СЗПП, основная часть средств по программам SAP-I и SAP-II направлялась на развитие Панджаба и Синда³¹.

Пришедший к власти в октябре 1999 г. генерал П.Мушарраф должен был, по идее, завершить программу SAP-II, однако в связи с большими проблемами в получении иностранной помощи он избрал иной и, пожалуй, более дальновидный курс. По сути, новый военный администратор Пакистана оказался перед выбором: проводить политику согласно рекомендациям МБРР (сократить расходы на оборону) или окончательно лишить государство внешней помощи. Мушарраф избрал первый вариант, но с главной ориентацией и опорой на внутренние ресурсы страны (как государственные, так и частные).

В декабре 1999 г. была провозглашена Программа экономических реформ, которая, как и реформы прежних лет, была составлена в рамках требований МБРР и МВФ. Основным аспектом политической части программы стала борьба с бедностью за счет расширения государственных субсидий и инвестиций в социальный сектор, а также введение широкой программы общественных работ. Показательно, что именно увеличение бюджетных ассигнований на борьбу с бедностью правительство Мушаррафа провозгласило своей главной стратегией – за счет сокращения прочих статей расходов (в частности, на оборону) и повышения налогообложения. В начале 2000 г. была принята Стратегия Пакистана по сокращению бедности (Pakistan's Poverty Reduction Strategy), рассчитанная на 2001–2004 гг.³², которая вначале была поддержана лишь МБРР. Главный международный донор согласился выделить 35 млрд. рупий для реализации этой Стратегии, из которых 15 млрд. рупий Пакистан получил уже в 1999–2000 ф.г.³³

После 11 сентября 2001 г. и вступления Пакистана в антиталибскую коалицию все вопросы об экономических санкциях против этой страны оказались забыты. В 2002–03 ф.г. Пакистан получил от МБРР 238 млн. долл. на борьбу с бедностью и 200 млн. долл. на дорожное строительство в сельской местности. В январе 2004 г. МБРР дал официальное согласие выделить Пакистану в качестве донорской помощи 800 млн. долл. непосредственно на борьбу с бедностью, а в случае строго целенаправленного использования выделенных средств увеличить оказываемую помощь в 2004–2005 гг. до 1 млрд. долл. В целом пакистанскую программу по борьбе с бедностью, помимо МБРР, высказали желание поддержать Япония, Германия, Франция, США, Великобритания, а также международные организации ЮНДП, МОТ, ЮНИСЕФ и др.³⁴

Параллельно с реализацией Стратегической программы по борьбе с бедностью правительство Мушаррафа продолжало осуществление программы сельского развития, нацеленной, как и в прежние годы, на улучшение социальной инфраструктуры (транспортная сеть, электрификация деревень, система образования и здравоохранения). В отличие от Стратегии борьбы с бедностью, сельское развитие осуществлялось в не столь крупных масштабах, однако целиком за счет внешней помощи. В 1999–2000 ф.г. на сельское развитие было выделено 3370 млн. рупий, из которых иностранная помощь составила 3348 млн. или 99%. Из этой суммы большая часть (3220 млн. рупий, включая 3210 млн. внешней помощи) была израсходована на дорожное строительство в сельской местности. Кроме того, 145,3 млн. рупий (138,6 млн. внешней помощи) было выделено на Комплексную программу развития округа Дир в СЗПП под руководством Управления по наркотическому контролю³⁵.

Аналогично в 2000–2001 ф.г. ассигнования непосредственно на сельское развитие должны были составить 2419,8 млн. рупий (включая 2387,6 млн. иностранной помощи), основным целевым направлением выделяемых ассигнований по-прежнему являлись сельские дороги. Ассигнования, выделяемые Управлению по наркотическому контролю для надзора за полями опийного мака в СЗПП, были увеличены до 182,9 млн. рупий (включая 173,6 млн. рупий иностранной помощи). Главными донорами сельского развития Пакистана в рамках этих целевых программ выступали АБР и Япония.

Особое значение в последние годы пакистанское правительство придавало Сельской программе социального развития северных территорий и Читрала, проводимой в 1991–2001 исключительно при благотворительной поддержке Фонда Ага-хана (Aga Khan Rural Support Program). Большие финансовые средства, выделяемые общественной организацией исмаилитов, позволили уже в течение 1991–1997 гг. поднять среднедушевой доход в этих отсталых горных районах на 55% и снизить черту бедности с 49 до 32%³⁶. (Напомним, что анало-

гичная благотворительная программа проводится Фондом Ага-хана в Горно-Бадахшанской АО Республики Таджикистан).

Показательно, однако, что в Экономическом Обзоре за 2002–03 ф.г. уже нет упоминания ни о Фонде Ага-хана, ни о программах сельского развития, спонсируемых АБР и Японией. Видимо, определенное развитие этих целевых программ продолжается в инерционном режиме, в то время как основное внимание в нынешней социально-экономической концепции пакистанского правительства уделяется исключительно широкомасштабной стратегии по борьбе с бедностью. Тем более, что главные международные доноры, в первую очередь МБРР, согласились ее активно поддержать.

Показательно также, что еще в ноябре 1991 г. лондонский «Экономист» отметил интересную закономерность: внешняя помощь, выделяемая Пакистану различными организациями и донорами, стремительно возрастает, как только к власти в этой стране приходят военные³⁷. Так было при М.Айюб-хане, точно так же произошло в годы правления М.Зия-уль-Хака; это касалось как общих объемов иностранной помощи, нацеленных на экономический рост Пакистана, так и абсолютного объема ассигнований, выделяемых непосредственно на развитие его сельских районов.

Прослеженные выше тенденции в изменениях объема, целевой ориентации и географической направленности международной помощи (равно как и современная геополитическая обстановка на Среднем Востоке) дают основания полагать, что Первез Мушарраф по праву становится третьим военным администратором, который сможет добиться значительного расширения финансовой и экономической помощи со стороны Запада для своего государства, в том числе и для его сельского развития.

¹ Подробное освещение динамики иностранной помощи Пакистану содержится в работах И.В.Жмуйды: *Внешнеэкономические связи Пакистана*. М., 1981; *Пакистан: Внутренние и внешние факторы экономического развития (70–80-е годы)*. М., 1988; *Иностранная помощь*. // *Энциклопедия Пакистана*. М., 1998, с. 430–434.

² *Economic Survey 2000–2001*. Government of Pakistan. Islamabad, 2001, с. 141–142.

³ *Economic Survey 2002–2003*. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, с. 158.

⁴ Akhtar S.M. *Economic Development of Pakistan*. Vol. 2. Lahore, 1979, с. 573.

⁵ См.: Akhtar S.M. *Economic Development of Pakistan*. Vol.2., с. 578–579.

⁶ Там же, с. 578.

⁷ Там же, с. 579.

⁸ Qadeer M.A. *Evaluation of the Integrated Rural Development Programme*. – *Monographs in the Economics of Development*. Islamabad, 1977, № 19, с. 6–7.

- ⁹ Pakistan Economic Survey 1979–1980. Islamabad, 1980, с. 235, 242.
- ¹⁰ Weinbaum M.G. Food, Development and Politics hi the Middle East. Boulder, 1982. с. 140.
- ¹¹ Akhtar S.M. Economic Development of Pakistan, с. 584.
- ¹² Pakistan Agriculture. Karachi. Vol. VIII, N 2, February 1986, с. 16.
- ¹³ Pakistan Agriculture. Karachi, February 1986, с. 16, 19.
- ¹⁴ Strategies for Economic Growth and Development: the Bank's Role hi Pakistan. Manila, 1985.
- ¹⁵ Pakistan Agriculture. February 1986, с. 19.
- ¹⁶ Pakistan 1991. An Official Handbook, с. 121.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Pakistan Agriculture. February 1986, с. 24.
- ¹⁹ Pakistan 1991. An Official Handbook. Islamabad, 1991, с. 120.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, с. 121.
- ²³ Special Development Plan for Baluchistan. Government of Pakistan. Islamabad, 1980; New Baluchistan. – The Muslim Special. Islamabad, 31.05.1981; Dawn, Karachi, 20.06.1982.
- ²⁴ The Muslim Special. 31.05.1981.
- ²⁵ The Muslim, 26.03.1982.
- ²⁶ The Muslim, 28.03.1982.
- ²⁷ Dawn, 20.06.1982.
- ²⁸ Подробнее см.: Жмуйда И.В. Региональные аспекты экономической политики в Пакистане. – М., 2001 (Рук. депонирована в ИНИОН), с. 37–42.
- ²⁹ Economic Survey 1999–2000. Government of Pakistan. Islamabad, 2000. с. 170.
- ³⁰ Economic Survey 1999–2000, с. 171, 173.
- ³¹ Dawn, 27.04.1998; 4.08.1998.
- ³² Подробнее см.: Жмуйда И.В., Морозова М.Ю. Борьба с бедностью в Пакистане: мифы и реальность // Ближний Восток и современность. Вып. 20. – М., 2004.
- ³³ One Year of the Government. October 1999 – October 2000. Report to the Nation. Islamabad, 2000. с. 21.
- ³⁴ Dawn, 13.01.2004.
- ³⁵ Economic Survey 1999–2000, с. 179.
- ³⁶ Economic Survey 1999–2000, с. 181.
- ³⁷ The Economist, vol. 321, № 7734, November 23d, 1991, с. 25–26.

**«ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ», «ИСЛАМИЗАЦИЯ» ИЛИ ТРЕТИЙ ПУТЬ
РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПАКИСТАНЕ?**

Взаимозависимость, взаимовлияние государств мира находит проявление в различных областях, включая образование. Как показывает опыт Пакистана, становление и развитие его национальной системы просвещения сопровождалось рядом модификационных преобразований, включая ее «вестернизацию» и «исламизацию».

Следует отметить, что рождение здесь традиционной мусульманской системы образования, представленной теологическими учебными заведениями (мактаба, мадраса и дар ул-улум), связано с проникновением в VII–VIII вв. ислама на покоренные арабскими завоевателями северные территории Южной Азии (вошедшие впоследствии частично в состав современного Пакистана). Влияние на эту систему персо-исламской культуры, местного этноконфессионального плюрализма и индуистского просветительства способствовало приобретению образованием отдельных региональных особенностей в содержании и методах обучения. При этом система образования основывалась на педагогических традициях исламской культуры, на всеобщем социальном осознании значения просвещения как одного из главных инструментов распространения религиозных взглядов. Овладение знаниями и их распространение считалось одной из важнейших обязанностей правоверного мусульманина, поэтому каждый член мусульманской общины старался оказать посильную помощь, покровительство и поддержку развитию мусульманского просвещения. Такая концепция образования реализовывалась через сеть мечетей, выполнявших не только социологическую функцию единения мусульманской общины, но и просветительскую. Именно при мечетях стали возникать первые мусульманские учебные заведения. Они были доступны и бесплатны для всех мусульман независимо от их социального статуса, хотя и были ориентированы на мужское население, т.к. женщины традиционно из-за общественной изоляции получали образование на дому. И у мечетей, и у созданных при них конфессиональных школ имелась общая цель: воспитание членов мусульманской уммы, особенно подрастающего поколения, в духе ислама посредством вовлечения молодежи в систему исламских этических и правовых норм.

Включение индийских мусульман в систему отношений с индустриальным Западом в период колониального господства британцев (вторая половина XVII века – первая половина XX века) способствовало распространению характерных для Запада демократических институтов, «вестернизации» просвещения и ослаблению позиций традиционной мусульманской системы образования. Британцы, стоявшие на более высокой ступени развития по сравнению с коренным населением, способствовали изменению социокультурной жизни индийских мусульман и распространению среди них современных научных знаний в той степени, которая не расходилась с интересами колонизаторов, нуждавшихся в подготовке служащих местного управленческого аппарата, доступ в который был открыт в основном для знати. Их образовательная политика 1835 г. была обусловлена тем, что «великой целью британского правительства должно быть распространение европейской литературы и науки среди народов Индии, и все денежные средства, выделяемые на цели просвещения, должны использоваться только на образование английского типа»¹. Данной реформой просвещения был положен конец продолжительным дискуссиям, развернувшимся в 20-х – 30-х годах XIX века между двумя направлениями британских чиновников, ведавших вопросами просвещения в колониальной Индии: «англицистами», отстаивавшими распространение европейского образования посредством английского, и «ориенталистами», стремившимися сохранить обучение на персидском, санскрите или других местных языках. В докладной записке президента Главного комитета по просвещению Т.Б.Маколея, возглавлявшего группу «англицистов», традиционная индийская школа подвергалась резкой критике и указывалось на необходимость введения западно-европейской модели образования для укрепления британских порядков в Индии и создания прослойки посредников между англичанами и миллионами местных жителей, находившихся в их подчинении, «прослойки – индийской по крови и цвету кожи, но английской по вкусам, взглядам, морали и интеллекту»².

Колониальные власти в определенной степени преуспели в создании узкой прослойки «вестернизированной», европейски образованной элиты из числа местной знати через систему открывавшихся по образцу метрополии школ. Преподавание в них велось на английском языке, учебные программы не отражали ни истории, ни культуры, ни быта коренного населения, а акцент в них делался на изучении истории, географии и литературы Англии. Содержание образования как в средней, так и в высшей школе было гуманитарным, оторванным от жизни. Естественным и точным дисциплинам не уделялось должного внимания. В 1936 г. лишь 5% ассигнований на просвещение расходовалось на профессиональные и технические школы³.

«Вестернизация» просвещения, насаждаемая британскими властями, носила ограниченный характер и не затрагивала широких слоев

местного населения, которое из-за закрытия и исчезновения собственных школ оказалось фактически отчужденным от образования. Привнесенная извне школа европейского типа была чужеродной для индийских мусульман, не отвечала их религиозным, социально-культурным традициям и потребностям, нуждалась в серьезной адаптации к местным реалиям, учете традиционного педагогического опыта.

В какой-то мере это нашло отражение в Законе о народном образовании, принятом британскими властями в 1854 г., где указывалось на необходимость реорганизации туземных школ для ознакомления широких слоев населения с европейскими знаниями посредством местных языков. Вносилось предложение о развитии женского образования, создании сети высших учебных заведений, провозглашался курс на секуляризацию образования путем запрета преподавания религии в правительственных учебных заведениях и невмешательства в религиозное обучение и воспитание в частных школах⁴.

Сложившаяся в результате образовательных реформ британских властей (1835–1854 гг.) частично видоизмененная английская система образования включала школы разных типов, неравноценные между собой: 1) начальная школа (1–4 классы) с обучением на местном языке и 2) неполная средняя школа (5–8 классы) с обучением на местном языке; 3) неполная средняя школа (1–8 классы) с обучением на английском языке, полная средняя школа (9–10 классы) с обучением на английском языке; 4) высшие учебные заведения с обучением на английском языке. Она не претерпела в дальнейшем значительных структурных изменений и продолжает функционировать в современном Пакистане.

Во многом это обусловлено тем, что с обретением независимости в 1947 г. Пакистан в силу ряда внешних и внутренних обстоятельств, связанных с необходимостью укрепления своих экономических и оборонных позиций, избрал геополитическую ориентацию на западные страны, на стратегический союз с США, ожидая от них всесторонней помощи и гарантий защищенности от соседней Индии, с которой Пакистан пребывал в постоянном конфликте. В связи с этим инерция «вестернизации» всех сфер жизнедеятельности пакистанского общества, включая и просвещение, сохранилась вплоть до второй половины 70-х годов XX столетия. Хотя содержание обучения подверглось значительному обновлению путем включения в него этнонациональных и религиозно-культурных компонентов с тем, чтобы «привести образовательную политику в соответствие с духом ... народа, его историей и культурой, а также с современными процессами ускоренного развития стран мира»⁵

С приходом в стране к власти военных во главе с генералом Зия уль-Хаком (1977–1988) и усилением в мире фактора солидарности исламских государств модернистские подходы, заложенные еще исламскими реформаторами С.А.Ханом (1817–1898) и М.Ик-

балом (1877–1938), в разработке концепции национальной школы уступили место традиционалистским, отражавшим идейные взгляды А.А.Маудуди (1903–1979), который выступал за отказ от западного педагогического опыта, за возврат к мусульманским корням и распространение исламских ценностей. Показательно, например, что современная трактовка джихада как войны с неверными во имя торжества ислама напрямую связана с его книгой «Джихад в исламе» (1930), где джихад рассматривается в качестве одной из главных обязанностей каждого мусульманина, стремящегося к духовному самосовершенствованию, и решение об участии в нем принимается самим правоверным, а не государством.

Идеи исламского вероучения в их жесткой ортодоксальной интерпретации были положены в основу политики «исламизации» системы образования в Пакистане, предпринятой правительством Зия уль-Хака. На основе одобренной в 1978 г. новой национальной политики в области образования в стране был создан государственный Комитет по исламизации просвещения с целью развития и формирования у молодого поколения в соответствии с положениями Корана и Сунны характера, поведения и образа жизни, достойных правоверного мусульманина⁶. Данная образовательная реформа предусматривала пересмотр учебников и учебных планов общеобразовательной и высших школ на основе исламской идеологии, а также возрождение традиционной мусульманской системы просвещения⁷. «Исламизация» образования сопровождалась резким ростом количества теологических учебных заведений. Так, если в 1974 г. религиозные школы составляли 18% от общего числа учебных заведений, функционировавших в стране, то к концу 1983 г. их количество возросло до 40%, а в Северо-Западной пограничной провинции – до 70% от общего числа школ⁸.

При этом в результате учреждения многочисленными религиозно-политическими партиями и группировками подконтрольных им теологических учебных заведений произошла политизация традиционной мусульманской системы образования, что привело к распространению среди учащихся идей религиозной нетерпимости, насилия, к превознесению культа «джихада», как основного средства достижения торжества ислама в мире. Большинство религиозных семинарий, приобретающих экстремистскую направленность, превратилось в питомники по воспитанию солдат джихада, выступивших первоначально против советских войск в Афганистане и их афганских сторонников, затем против индусов в Кашмире, а также против мусульман других мазхабов и немусульманских меньшинств в самом Пакистане. Таким образом, была заложена основа современной индустрии «джихада», где основное место отводилось молодежи. Так, по данным индийских источников, около 40% боевиков, действующих на территории Кашмира, – это пакистанцы и афганцы, из которых молодежь подростко-

вого и юношеского возраста составляет 80%⁹. Теологические учебные заведения экстремистской направленности поставляли необходимые кадры, которые кроме ремесла джихада больше ничего не умели и ничего не знали. Эта непрерывно продолжающаяся почти 30 лет война с неверными стала для многих из них единственным смыслом жизни и источником существования. По признанию руководства джихадистских группировок, месячный доход боевика составляет до 15 тыс. рупий, что в семь раз превышает среднюю заработную плату пакистанца¹⁰. Помимо этого выплачиваются денежные вознаграждения за удачно выполненные операции, а также материальные компенсации семьям погибших в них боевиков. Например, джихадистские группировки получают до 60 тыс. рупий за каждого убитого в Кашмире боевика. Из них 15–20 тыс. рупий передается семье погибшего мученика за веру, а остальные оседают в карманах их руководителей¹¹.

Следует отметить, что эта джихадистская индустрия никогда не ощущала нехватки в инвесторах. Так, на поддержку сопротивления советским войскам в Афганистане США и Саудовская Аравия направили в 1986–1989 гг. в Пакистан и Афганистан до 3,5 млрд. долл.¹² Крупные инвестиции поступают также из стран Персидского залива, от самих преуспевающих пакистанцев и пакистанской диаспоры, проживающей за рубежом. Без перекрытия каналов этих денежных вливаний приостановить ее работу в ближайшем будущем будет невозможно.

После событий 11 сентября 2001 г. и начала антитеррористической операции в Афганистане руководство США было вынуждено вкладывать инвестиции теперь уже на погашение когда-то подпитываемого им самим очага джихадистской индустрии, представленного пакистанскими религиозными учебными заведениями экстремистского толка. По разным оценкам, в стране в настоящее время функционирует по меньшей мере 40–50 тыс. религиозных школ, в которых обучается до 2 млн. учащихся. Из них около 200 тыс. учеников наряду с религиозным обучением получили и военную подготовку. Практически их количество составляет одну треть вооруженных сил пакистанской армии, насчитывающих до 600 тыс. солдат и офицеров¹³. Создание и неконтролируемый рост подобной параллельной военизированной структуры может привести к опасным последствиям не только для самого Пакистана, но и для всего южноазиатского региона и мира в целом.

Неудивительно поэтому, что предпринятая в стране реформа традиционной мусульманской системы образования (2001) направлена на осуществление контроля со стороны государства за учебной и финансовой деятельностью религиозных учебных заведений, на их плавную интеграцию в общий круг школ. Она рассматривается в качестве составной части антитеррористической борьбы пакистанского государства, осуществляемой под руководством США. О приоритет-

ной роли образования в этом направлении свидетельствует недавний визит в Вашингтон (ноябрь 2003 г.) министра просвещения Пакистана З.Джалал, в ходе которого состоялись ее знаковые встречи с помощником президента США по национальной безопасности К.Раис, заместителем госсекретаря по обороне П.Вульфовитцем, помощником госсекретаря по Южноазиатскому региону К.Рокка и членами Конгресса США. Говоря о результатах проводимой в Пакистане реформы религиозного образования, она, в частности, отметила, что за прошедшие два года в стране прошли государственную регистрацию около 1200 религиозных школ. Помимо этого государством планируется в течение последующих трех лет включить в общеобразовательный поток до 3 тыс. религиозных учебных заведений начального, среднего и высшего звеньев обучения. На эти цели выделяется 100 млн. долл. Одновременно З.Джалал пыталась заверить американскую сторону в том, что только 2–3% религиозных школ используются в качестве центров по подготовке и рекрутированию добровольцев для пополнения рядов различных военизированных группировок, на чьи средства они и содержатся. При их выявлении подобные учебные заведения подлежат закрытию¹⁴. Между тем афганское руководство в лице президента страны Х.Карзая и министра иностранных дел А.Абдуллы призывают Пакистан к более решительным и эффективным мерам в этом направлении, т.к., по их данным, в западных приграничных районах Пакистана полным ходом идет перегруппировка талибских сил и их пополнение за счет учащихся подобных религиозных школ с целью проведения военных операций против Афганистана¹⁵.

Обеспокоенность по этому поводу выражается также со стороны США и их западных союзников по антитеррористической коалиции, рассматривающих необходимость модернизации национальной системы образования Пакистана, включая и ее традиционные просветительские институты как неотъемлемую часть борьбы с религиозным экстремизмом и исламским радикализмом. Только за истекший 2003 г. Пакистаном были заключены 15 соглашений с 9 зарубежными государствами об оказании стране финансовой помощи в развитии образования на общую сумму в 1,3 млрд. долларов, что составляет 76% от государственных ассигнований в этой области (1,7 млрд. долларов), заложенных в бюджете страны на 2003–2004 финансовый год. Но даже такое удвоение финансирования вряд ли сможет привести к радикальному и скорому улучшению ситуации в образовательной сфере, оказавшейся под давлением многочисленных внутренних и внешних факторов в глубоком кризисе. По уровню развития образования Пакистан занимает 160-е место из 175 стран мира и 144-е – по уровню развития человеческих ресурсов¹⁶.

Кроме того, помощь внешних доноров вызывает неоднозначную реакцию в пакистанском обществе, где исламистски настроенные силы

видят в этой кампании попытку идеологической экспансии Запада, направленной против ислама и исламского мира в целом. Они подвергают резкой критике «проамериканский курс» президента П.Мушаррафа, который в своем обращении к парламенту страны провозгласил «джихад» экстремизму с целью создания «умеренного, процветающего исламского государства»¹⁷.

Существующая сегодня в стране система образования не способствует построению государства подобного типа, т.к. она закрепляет социальное неравенство пакистанских граждан, ведет к поляризации общества, конфликтности и напряженности между «вестернизированной» модернизированной элитой и широкими массами ортодоксально настроенных пакистанцев при отсутствии значительной прослойки среднего класса, цементирующей фундамент любого демократического общества. Эта тема поднималась в беседе автора данной статьи с Принцем Майклом Кентским во время его визита в Москву (март 2004 г.), чья страна в свое время способствовала формированию пакистанской системы образования по образцу метрополии без учета местной педагогической теории и практики. Но, как показывает опыт Пакистана, чисто западная или чисто традиционная мусульманская модель просвещения в современных условиях глобализации, взаимозависимости и взаимовлияния государств мира не оправдывают себя. Необходим третий путь в развитии системы образования по направлению их взаимного сближения с целью создания интегрированной модели обучения и воспитания, сочетающей в себе положительный опыт традиционного мусульманского просвещения с достижениями мировой педагогической науки и практики. Такая образовательная модель поликультурного характера сможет предотвратить в дальнейшем конфликты и столкновения как на страновом и региональном, так и на мировом уровнях.

¹ Zaman U.S. Banners Unfurled. A Critical Analysis of Developments in Education in Pakistan. Karachi: Royal Book Company, 1981, с. 115.

² Paranjpe M.K. Progress of Education. – Poona, 1941, с. 38.

³ Pakistan Quarterly. – Karachi, 1966, vol. XIII, № 4, с. 25.

⁴ Nurullah S., Naik J.P. A Students' History of Education in India (1880–1947). – Bombay etc.: Mac. Millan and Co. Ltd., 1951, с. 120.

⁵ Quaid -i- Azam Mohammad Ali Jinnah. Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948. Karachi, 1962, с. 36.

⁶ Zaman U.S. Ibidem ... – с. 245.

⁷ Подробнее об «исламизации» образования в Пакистане см.: Серенко И.Н. Традиционализм и модернизм пакистанского образования//Ближний Восток и современностью. Вып. 19. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003, с. 235–244.

⁸ The News. Islamabad, 21.03.2004, с. 2.

⁹ Defence Journal. Islamabad, February 2003, с. 2.

- ¹⁰ Ibidem ... – c. 72.
- ¹¹ The Future of Pakistan. International Centre for Peace Initiatives. Mumbai: ISBN, 2002. – c. 52.
- ¹² Defence Journal. Ibidem... – c. 73.
- ¹³ The Future of Pakistan. Ibidem... – c. 51.
- ¹⁴ David R. Sands. Effort to rein in madrassas begun. – The Washington Times // [www. Washtimes.com/world/2003-11-06](http://www.Washtimes.com/world/2003-11-06); The News. Islamabad, 08.11.2003, c. 12.
- ¹⁵ The News. Islamabad, 08.01.2004, c. 1.
- ¹⁶ Dawn. Karachi, 22.03.2004, c. 15.
- ¹⁷ Dawn. Karachi, 18.01.2004, c. 1.

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТАНОВКЕ В АФГАНИСТАНЕ (январь–апрель 2004 г.)

4 января 2004 г. завершила работу всеафганская ассамблея (Лоя джирга), которая утвердила новую конституцию страны и определила правовые основы будущего государственного устройства.

Всеобщие выборы 2004 г. должны завершить переходный этап становления афганской государственности. Лоя джирга проходила в атмосфере серьезного противоборства между клерикалами-сторонниками теократического государственного устройства, среди которых преобладали ветераны борьбы против режима талибов, а также прозападными элементами администрации Х.Карзая. Вновь остро проявились этнические противоречия. В результате трехнедельных дебатов был принят компромиссный вариант конституции, предусматривающий президентскую форму правления с двумя постами вице-президентов и двухпалатным парламентом. Официальными государственными языками объявлены пушту и дари, а узбекский, туркменский и другие – официальными в зонах компактного проживания их носителей. Период от принятия Конституции до выборов в парламент считается переходным. До его окончания полномочия парламента делегированы правительству. Ислам принят в качестве государственной религии Афганистана, а после парламентских выборов 2004 г. страна будет иметь название Исламская Республика Афганистан.

Общая ситуация в Афганистане продолжает оставаться напряженной, возросла активность подрывной деятельности перегруппировавшихся талибов и прочих экстремистских сил против правительственной армии и иностранных контингентов войск. В результате терактов и вооруженных столкновений гибнут сотрудники международных гуманитарных организаций и мирные жители.

21 марта 2004 г. в Герате в результате теракта был убит министр гражданской авиации и туризма Афганистана, сын губернатора провинции Исмаил Хана М. Садек. Последовавшая за этим вспышка массовых беспорядков привела к гибели свыше 100 человек. Непокойная обстановка в провинциях Фарьяб и Дайкунди. 25 апреля афганская полиция объявила о задержании человека, подозреваемого в попытке покушения на президента Х.Карзая.

В афганской глубинке, особенно в приграничье с Пакистаном сохраняются небольшие учебные лагеря террористов, регулярно меняющие свое местонахождение. Исламские экстремисты плотно взаимодействуют с рядом иностранных спецслужб, в первую оче-

редь пакистанских. Талибы ведут интенсивный набор молодежи в свои отряды и продолжают поиск союзников за рубежом, делая ставку на радикальных клерикалов Пакистана и ряда арабских государств в расчете на их военную и финансовую помощь. Экстремистским силам периодически удается захватывать и в течение длительного времени удерживать значительные территории. В операциях участвуют иностранные боевики «Аль-Каиды» – арабы, чеченцы и пакистанцы.

Активизируются обстрелы баз международной антитеррористической коалиции, которая в настоящее время насчитывает порядка 13 тыс. военнослужащих США и их союзников. Невысока результативность периодических спецопераций коалиционных сил (КС) по поиску и уничтожению в южных и восточных провинциях страны боевых групп талибов и «Аль-Каиды», а также лабораторий, где производятся наркотики, контрабанда которых служит им финансовой подпиткой.

В целом практически пассивной остается роль развернутых в Кабуле по решению СБ ООН Международных сил содействия безопасности (МССБ) общей численностью порядка 5500 чел., руководство которыми с августа 2003 г. перешло к НАТО (до этого руководство миротворческими силами последовательно осуществляли Великобритания, Турция, Германия, Нидерланды). В октябре 2003 г. СБ ООН принял резолюцию 1510, санкционирующую расширение мандата действий МССБ за пределы Кабула. Рассматривается возможность направления контингентов МССБ в 8 городов, что потребует наращивания личного состава этих сил до 10 тыс. человек. 9 февраля 2004 г. в рамках НАТО прошла передача командования МССБ. Новым главнокомандующим вместо генерал-лейтенанта германской армии Г.Глимерота назначен генерал-лейтенант ВС Канады Р.Хиллер.

В ряде районов Афганистана развернуты так называемые Провинциальные восстановительные команды (ПВК) (в Балхе, Мазари-Шарифе, Бамиане, Пактии, Кундузе, Герате, Кандагаре, Газни, Парване, Нангархаре, Кунаре, Заболе и Хосте). Ранее ПВК отводилась роль своеобразного придатка Коалиционных сил. Ныне, как видится, американцы обозначают готовность учесть пожелания ооновцев и на деле придать командам экономические функции. Это укладывается и в рамки общих изменений стратегии США в Афганистане с переносом акцента с военных действий на восстановление страны. В перспективе планируется довести число команд до 22. Некоторые из них будут переименованы в «Провинциальные стабилизационные команды» (ПСК). В их организации, по-видимому, примут участие контингенты Германии, Франции, Испании, Италии, Швеции, Норвегии, Финляндии и стран Бенилюкса. В международном сообществе существуют опасения, связанные с тем, что появление ПВК в афганских

провинциях, особенно в зоне расселения пуштунских племен, где продолжают военные действия между коалиционными силами и талибами, может вызвать осложнение военно-политической обстановки.

Касаюсь положения в афганском руководстве, нельзя не заметить его определенной напряженности, вызванной, как видится, стремлением пуштунского окружения Х.Карзая обеспечить себе большинство важных постов, объясняя это задачами установления в аппарате управления этнического баланса. В частности, Х.Карзай подписал указ о перестановках в министерстве обороны Афганистана, в соответствии с которым практически заменено более половины высшего руководящего звена министерства за счет увеличения представительства прежде всего пуштунов, а также хазарейцев, узбеков и вытеснения таджиков. Параллельно кабульское правительство при содействии международного сообщества приступило к реализации программы по разоружению членов иррегулярных вооруженных формирований, подчиняющихся местным полевым командирам, и реинтеграции их в мирную жизнь. Программа рассчитана на три года: один – на разоружение (до 100 тыс. человек) и два – на возвращение к мирной жизни.

Сложная обстановка сохраняется и в провинциях. На севере Афганистана периодически вспыхивают вооруженные столкновения на этнической почве (между отрядами узбекского лидера А.Р.Достума, таджика А.Мохаммада и хазарейца М. Мохаккека). На западе и востоке страны постоянно происходят междоусобицы, в основе которых лежат борьба местных авторитетов за влияние и их нежелание подчиняться центральным властям. Провинциальные авторитеты продолжают сохранять доходы, получаемые от таможенных и иных сборов, не пересылая их в центр.

Экономика страны практически полностью зависит от внешней помощи. Вместе с тем поступающие донорские средства на восстановление страны осваиваются крайне неэффективно. Значительная их часть уходит на зарплату афганским чиновникам и сотрудникам иностранных неправительственных организаций. Некоторое оживление наблюдается лишь в деятельности мелких частных предпринимателей в сфере торговли.

В крайне сложном положении остается сельское хозяйство, которое преимущественно ориентировано на наркопроизводство. Предпринимаемые властями меры по борьбе с наркоиндустрией ощутимых результатов пока не дают. Не сокращаются площади наркосею и урожаев с маковых плантаций. Постоянные попытки транспортировки наркотиков за пределы Афганистана заставляют международное сообщество обращать на эту проблему повышенное внимание. Так, 8–9 февраля 2004 г. в Кабуле состоялась международная конференция, призванная сконцентрировать и скореллиро-

вать усилия внешнеполитических партнеров Афганистана на антинаркотическом направлении.

По-прежнему остро стоит проблема приема и обустройства возвращающихся беженцев. Выделяемых на эти цели средств недостаточно. Неустроенность репатриантов является дополнительным фактором социальной напряженности, в связи с чем власти вынуждены ограничивать процесс их возвращения на родину.

В целом постконституционный период развития внутренней обстановки в Афганистане характеризуется нарастающей угрозой безопасности как со стороны талибов и других экстремистских группировок, так и в связи с усилением политической борьбы в преддверии всеобщих выборов, вызванной этническими и идеологическими разногласиями, а также на религиозной почве.

ОБ ОКАЗАНИИ ИНОСТРАННОЙ
ФИНАНСОВОЙ И ИНОЙ ПОМОЩИ
ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ АФГАНИСТАНА*

Оказание финансовой и иной помощи восстановлению афганской экономики странами Запада осуществляется в соответствии с решениями международной конференции в Токио (январь 2002 г.). После ее завершения была создана Группа по осуществлению проектов восстановления Афганистана (ГПВА), ныне функционирующая в Кабуле под руководством Переходной Администрации с участием представителей Программы развития ООН (ПРООН), Всемирного банка, Азиатского банка развития. Группа обеспечивает взаимодействие кабульской администрации с донорами, подразделениями системы ООН, гуманитарными агентствами, неправительственными организациями и деловыми кругами. Основная роль в мобилизации донорского содействия Афганистану принадлежит Тростовому фонду восстановления Афганистана, учрежденному также после Токийской конференции при содействии Всемирного банка, ПРООН и Азиатского банка развития. Средства Фонда расходуются на оплату текущих военных бюджетных расходов афганского правительства – выплату жалования государственным служащим, подготовку технико-экономических обоснований сельскохозяйственных проектов, восстановление инфраструктуры, социальной сферы, включая краткосрочные проекты, оплату расходов по возвращению из-за рубежа и интеграцию специалистов, в прошлом покинувших страну и т.п.

Нерешенность вопросов, связанных с практическим механизмом финансирования реабилитационных программ, и многое другое задержало начало работы Фонда. Поэтому некоторые доноры, в том числе США, предпочли осуществлять помощь на двусторонней основе.

Основным источником финансовой, экономической, военно-технической и иных видов и форм помощи являются США. Напомним в этой связи, что американское посольство во главе с П.Финном возобновило свою работу в Кабуле 16 декабря 2001 г.** Делегация США во главе с К.Пауэллом и министром финансов П.О'Нилом участвовала в Токийской конференции, где было заявлено о выделении Афганистану 296 млн. долларов. В январе 2002 г. в Кабуле состоялись переговоры К.Пауэлла с Х.Карзаем, в сентябре 2002 г. в Нью-Йорке

* Об оказании финансовой помощи Афганистану со стороны России см. статью Туткова Ю.А.

** В декабре 2003 г. в преддверии Лойя Джирги послом был назначен Спецпредставитель Дж.Буша в Афганистане – З.Халилзад.

произошла его встреча с Дж. Бушем, через год в 2003 г. Афганистан посетил министр обороны США Д. Рамсфелд. К сентябрю 2002 г. США превысили предоставление заявленной ранее суммы, выделив около 580 млн. долл., а в 2003 г. около 1 млрд. долл. К тому же осенью 2002 г. Конгресс США принял Акт Поддержки Свободы в Афганистане, предусматривавший выделение с 2003 г. на четырехлетний период помощи в объеме 3,3 млрд. долл. (по 625 млн. долл. в год) и 1 млрд. на создание международных сил содействия безопасности (МССБ) в 2003–2004 гг. Кроме того, по оценкам зарубежных экспертов, Соединенным Штатам приходится ежемесячно затрачивать порядка 1 млрд. долларов на военные операции в Афганистане и 25 млн. на гуманитарную помощь.

Осенью 2002 г. было объявлено о начале реализации США совместно с Японией и Саудовской Аравией программы строительства дорог, связывающих Кабул с провинциями Пактия и Кандагар, и выделении американцами 80 млн. долл. на эти цели (Япония и Саудовская Аравия предоставили по 50 млн.) сверх обязательств, объявленных в январе 2002 г. в Токио.

Ряд соглашений – по транзиту, торгово-экономическому сотрудничеству, включая вопросы о предоставлении режима наибольшего благоприятствования, были подписаны в течение 2002 г. Предоставление преференций со стороны США, как открыто сообщали в Афганистане, не оказало сколько-нибудь серьезного влияния на расширение объемов товарооборота из-за ограниченности номенклатуры афганского экспорта, практически состоящего из предметов традиционного афганского производства.

В 2003 г. на цели содействия формированию национальной армии страны распоряжением Дж. Буша было выделено 135 млн. долларов из утвержденного конгрессом США пакета дополнительных ассигнований на борьбу с терроризмом.

Из других западных стран вложения на восстановление афганской экономики сделали Великобритания, Германия, Евросоюз, а также Япония.

Великобритания, по имеющимся данным, с января 2002 г. по март 2003 г. выделила 150 млн. долларов, которые были затрачены на поддержку афганского национального бюджета, банковской системы, небольшие по масштабам проекты восстановления экономики, координацию работ доноров, ООН, других организаций, строительство таможенных объектов на границе Афганистана с Таджикистаном и Туркменией.

Объем помощи Германии к концу 2003 г. составил 228 млн. евро, использованных на восстановление систем ЛЭП, водоснабжения, школ, больниц, ремонт городских дорог, помощь беженцам. Весьма важным представляется то, что примерно 26 млн. евро пошли на создание в стране полиции, в чем Германия играет ведущую роль.

Японская помощь в целом за 2002–2003 годы составила 360 млн. долларов, которые пошли на финансирование ряда объектов – строительство дорог, электростанций, небольших текстильных предприятий. Кроме того, Япония выделила 35 млн. долларов на реализацию принятой в феврале 2003 г. на токийской конференции программы «Разоружение, Демобилизация и Реинтеграция экс-комбатантов».

После ликвидации режима талибов в Афганистане афганское направление стало одним из центральных по внешнеполитической деятельности Евросоюза. Об этом, в частности, свидетельствует введение поста специального представителя ЕС по Афганистану и назначение на этот пост голландца П.Клайбера. С начала 2002 г. в Кабуле помимо Представительства Европейской комиссии стали функционировать офисы Спецпредставителя ЕС и Гуманитарной программы Европейских сообществ (ЕЧНО).

Осенью 2001 г. Евросоюз начал оказывать Афганистану экономическую помощь. Ее выделение оговорено соблюдением администрацией Х.Карзая нескольких условий. Так, Кабул должен:

- стремиться к обеспечению стабильности политической ситуации в стране;

- предпринимать усилия, направленные на сокращение нищеты, в том числе, путем восстановления нормальной жизни в сельских районах;

- улучшать продовольственное положение;

- прилагать усилия для решения таких ключевых проблем, как разминирование территории, возвращение беженцев, сокращение производства опионого мака;

- предпринимать меры по улучшению положения женщин.

Только за 4 месяца 2001 г., т.е. с сентября до конца года, ЕС выделил Афганистану примерно 67 млн. евро. В конце июня 2002 г. пост специального представителя ЕС в Кабуле занял испанский дипломат Ф.Вендрелл. В этом же году афганскую столицу посетил комиссар ЕС по вопросам внешней политики К.Паттен. Всего в течение 2002 г. сумма помощи Афганистану достигла 680 млн. долл., из них из бюджета ЕС было ассигновано и перечислено 275 евро, 70 млн. евро из которых выделено по линии ЕЧНО. На эти средства осуществлялось финансирование госбюджета Афганистана, проводились разминирование, очистка улиц основных городов страны, профинансировано функционирование 450 начальных школ и около 30 больниц. Средства Гуманитарной программы ЕС были использованы на приобретение и бесплатную раздачу семян и продовольствия населению сельских районов, доставку питьевой воды в города, а также на программы помощи сиротам и беженцам, проживающим в Иране и Пакистане.

В 2003 г. сумма взятых Евросоюзом обязательств на помощь Афганистану превысила 835 млн. евро, из которых около 300 млн. евро было выделено Еврокомиссией. Тогда же начались работы по

реконструкции в полном объеме дороги, связывающей Кабул с Джелалабадом, проходящей по горной местности; одновременно продолжается восстановление ирригационных систем и разминирование. Предоставленные ЕСНО 127 млн. евро были использованы на расходы, связанные с возвращением в 2002–2003 гг. беженцев. Кроме того, в 2003 г. Еврокомиссия выделила еще 9 млн. евро на содействие альтернативным источникам существования в восточных регионах страны, 3 млн. евро – на укрепление контроля на афгано-иранской границе в целях предотвращения контрабандных путей переправки наркотиков, а также 65,5 млн. евро – на поддержание действий по обеспечению правопорядка на всей территории страны. В конце 2003 г. на поддержку полиции была выделена дополнительная сумма в размере 50 млн. евро. 100 млн. евро, предназначенные на расходы по развитию сельского хозяйства в 2003–2004 гг., предполагается направить на содействие долгосрочному трудоустройству лиц, вовлеченных ныне в производство опиатов.

Помимо предоставления средств непосредственно из своего бюджета Евросоюз предпринимает активные шаги по привлечению в Афганистан донорских средств из других источников. Именно с этой целью летом 2003 г. упоминавшийся выше К.Паттен направлял соответствующие послания главам внешнеэкономических ведомств пятнадцати стран-членов ЕС и в ведущие мировые государства, призывая их не сокращать объемы помощи Кабулу и выполнять взятые ими на себя на Токийской конференции обязательства. Кроме того, в выступлении на сессии Европарламента 12 февраля 2004 г. К.Паттен проводил мысль о том, что Афганистан должен оставаться приоритетным направлением деятельности Евросоюза. Им также была весьма позитивно отмечена вовлеченность стран-членов ЕС в формирование и работу Провинциальных восстановительных команд – ПВК и поддержка МССБ (Международных сил содействия безопасности Афганистана). При этом он высоко оценил роль Великобритании, Франции, Германии и Италии в содействии афганскому правительству по созданию эффективной армии, полиции, судебной системы и имплементации действенной антинаркотической политики.

Помимо Евросоюза и отдельных стран Запада содействие восстановлению экономики Афганистана оказывается и по линии крупных банков, в частности, таких как Всемирный банк. По имеющимся данным, в марте 2003 г. Банк объявил о предоставлении Афганистиму беспроцентного кредита в 108 млн. долларов на 40 лет (с 10-летней отсрочкой начала погашения) на транспортные нужды, в частности, на ремонт дорог и реконструкцию международного аэропорта Кабула. В начале октября 2003 г. руководство этого Банка одобрило и выделение Афганистану кредита в 2 млн. долларов на расширение телефонных и почтовых коммуникаций, а также на улучшение связи между Кабулом и провинциями.

В июне 2003 г. АзБР объявил о том, что планирует предоставить 610 млн. долл. помощи Афганистану в течение 2003–2005 гг., 580 млн. долл. из которых будет выделено в виде льготных кредитов, 30 млн. долл. – в виде грантов.

Что касается азиатских государств, то следует, видимо, отметить, что и с их стороны выделяются большие или меньшие суммы на восстановление Афганистана.

Индия, например, основное внимание сосредоточила на использовании выделяемых ею средств на становление государственного аппарата, образование, здравоохранение, гражданскую авиацию, информационные технологии, общественный транспорт и сельское хозяйство. На эти цели правительство Дели предоставило наличными 10 млн. долл., передало 3 гражданских самолета «Аэробус», 25 пассажирских автобусов. В 2002–2003 гг. Индия направила 100 млн. долл. в качестве прямой поддержки афганского бюджета. Индия и Иран достигли договоренности о строительстве автодороги из иранского порта Чабахар до соединения ее с автомагистралью Кабул–Кандагар–Герат. К тому же индийские фирмы заявили о готовности построить 250-километровую дорогу Деларам-Зарандж вдоль афгано-иранской границы.

Иран еще в Токио заявил о выделении 560 млн. долл. в качестве помощи Афганистану на 5 лет. В 2002 г. из этой суммы было освоено порядка 10 млн. долл. С апреля 2003 г. правительство ИРИ начало поставку электроэнергии в Герат по ценам ниже себестоимости. Иран ведет также строительство дороги Герат-Догарун (125 км), стоимость проекта – 50 млн. долл.

О намерении оказать помощь в восстановлении экономики Афганистана высказывались и другие азиатские страны. Например, **ОАЭ** обещали выделить в общей сложности 1 млрд. долл. Однако говорить о практическом выполнении этих обязательств пока преждевременно.

Руководство **КНР** заявило о выделении на восстановление Афганистана 150 млн. долларов в течение 5 лет, а также объявило о списании предыдущих афганских долгов. При содействии Пекина строятся больницы в Кабуле и Кандагаре, восстанавливается ирригационный комплекс в Парване.

Южная Корея также вносит свой вклад в строительство больниц, самая крупная из которых – госпиталь «Авиценна». Подписано соглашение и о строительстве корейско-афганского колледжа, имеющего 6 факультетов, где будут обучаться 600 студентов (стоимость проекта 5 млн. долл.).

Некоторую активность проявляют и среднеазиатские государства СНГ, в частности, Узбекистан и Туркмения.

Узбекистан оказывает экономическое содействие Афганистану на коммерческой основе: в северные провинции Афганистана осуществляются поставки электроэнергии. К концу 2003 г. было восста-

новлено 11 мостов на участке шоссе Доши–Кабул. Стоимость проекта – 1,1 млн. долл. Узбекская субподрядная фирма совместно с турецкой компанией ведет работы по реконструкции туннеля «Саланг».

Туркменистан ведет работы по восстановлению ЛЭП в афганских провинциях Фарьяб и Балх. Помимо электроэнергии Туркменистан поставляет в Афганистан по льготным ценам дизтопливо и бензин. Туркменистан, Афганистан и Пакистан при финансовом участии Азиатского банка развития (АзБР) сотрудничают в продвигаемом американцами проекте строительства Трансафганского газопровода протяженностью порядка 1500 км, который берет начало от туркменского месторождения Даулатабад. Стоимость проекта оценивается в 3 млрд. долл.

Всего, по данным на конец 2003 года, международным сообществом на восстановление Афганистана выделено порядка 2,98 млрд. долларов. Однако освоение этих средств идет пока крайне медленно, причинами чего являются сохраняющаяся военно-политическая нестабильность в стране, неотлаженность работы афганских государственных и экономических структур, нецелевое использование предоставляемых средств, коррупция.